

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Валерий БОЛЬШАКОВ

ОДНОПОЛЧАНЕ

Спасти рядового Краюхина

Annotation

Молодой частный детектив Марлен Исаев вел довольно скучную жизнь, пока однажды к нему не пришел старый фронтовик с просьбой отыскать пропавшего без вести правнука Мишу Краюхина.

Очень скоро Исаев понял, что прикоснулся к волнующей и грозной тайне — он нашел братскую могилу, где похоронен «красноармеец Михаил Краюхин», его ровесник, погибший... в 1944 году.

Расследование привело Марлена и его друга Виктора к portalу, ведущему в 41-й...

Что им делать? Идти «на войну», спасти рядового Краюхина и вернуть его назад, в тихое и безопасное будущее?

Или остаться на фронте, чтобы помочь тысячам таких же рядовых бойцов дожить до Победы?

Валерий Большаков

Однополчане. Спасти рядового Краюхина

Глава 1

Дело о пропавшем без вести

«Бентли» мчался по московским улицам и проспектам, вокруг все сияло и переливалось, било наотмашь цветами рекламы, а вереницы фонарей рассеивали желтый и оранжевый свет.

— Вау-у! — восторженно взвыл Вика, выжимая газ.

Мотор и вовсе взревел, Алла завизжала и полезла в люк — подышать. Марлен тут же приобнял ее за ноги — надо же поддержать человека! — и Алка закрутила попой, напевая что-то, почти неслышное за ревом набегавшего воздуха.

— Ви-ика! — капризно надула губки Карина, с ногами забравшись на переднее сиденье. — Не гони, я боюсь! Шумахер, блин...

Виктор пьяно рассмеялся, а Марлен, тиская приятные Алкины выпуклости, подумал, что после первой порции виски Тимофееву еще можно доверять руль, но вот потом...

— А мы куда сейчас? — спросил он.

— Не знаю, Исае-ев! — пропел Виктор.

— Ой, а давайте в «Крышу мира»! — встрепенулась Карина. — В «Крышу мира»! В «Крышу мира»!

Алла тут же просунулась в салон, дразняще отключивая круглый задик, и заявила:

— В «Сохо Румс»!

— В «Крышу мира»!

— Сначала в «Сохо Румс», а потом — в «Крышу мира»! — рассудил Тимофеев. — Вот тебе и весь сказ.

— Ну, ладно...

Исаев снисходительно улыбнулся. Хотя ему и стукнуло двадцать пять и он был на год младше Витьки, Марлен чувствовал себя опытным старшим товарищем.

Просто, немного себя испытал, он ощутил в себе новое отношение к жизни, к себе самому. Теперь его уверенность покоилась на сознании собственной значимости — Исаев представлял себе, на что он способен, установил себе пределы допустимого. Правда, достичь верха и назвать себя взрослым мужчиной у него пока не получалось — Марлен не знал, чего же он хочет в жизни и чем ему заниматься, чтобы исполнить свои желания.

Идти в бизнес по стопам отца желания не было. Стимул тоже отсутствовал — деньги имелись, и немалые, вот и появлялся соблазн — не думать о будущем, обождать. Решение само придет...

И все же по сравнению с Виктором Марлен выглядел как скучный старший брат, снисходительный к баловству младшего.

Нет, раньше, лет пять назад, они были как «два сапога пара». Вот так же носились по ночной Москве — Вика на «Феррари», он — на «Ламборджини», — заваливались в «ночники», снимали девчонок. Могли сгонять в Париж и обратно — просто так. Наркотиками, правда, не баловались — и очень этим гордились.

Да, еще они учились.

Марлена батя устроил в МГТУ. Дескать, мечта у меня была — поступить в «Бауманку», да не срослось. Пускай хоть сын за меня выучится!

Илья Марленович, отец Марлена, был из тех, кого на заре «катастрофки» звали «новыми русскими». Сам Исаев-старший отрицал подобный статус, поскольку напрямую с криминалом не соприкасался. Да, случались у него сделки, проходившие по тонкой грани между законом и преступлением, ну, так, а что делать, если «социалистическое отечество» густо заросло «джунглями капитализма»? В мире чистогана, как известно, выживает сильнейший. И хитрейший. Ладно, ладно — умнейший.

Илья Исаев вернулся из Афгана старшим сержантом. Поступить в московский вуз перед армией не удалось, и после дембеля не вышло — сыну исполнился годик, жили они в съемной комнатухе, так что надо было изыскивать средства, а не о диссертациях мечтать. Зато, как это часто случается, родитель перенес свою мечту на ребенка — учиись, сынок, за папу!

Исаев-младший был не против — на факультете он занимался электроникой, а это ему было интересно. Он реально получал позитив от возни с деталями, схемами, от сборки робота Термократора, умевшего ходить, вертеть головой и говорить.

Нет, гулять Марлен тоже любил, как и всякий ребенок двадцати лет от роду. Его это подчас доставало — раньше вон пацан в пятнадцать лет на завод устраивался, когда отец на фронт уходил, и реально был главой семьи. А теперь, если тебе даже двадцать, то ты всего лишь великовозрастное дитё.

Исаев очень не хотел вливаться в когорту этих инфантильных переростков, но, видать, не хватило ему воли.

Четыре года он худо-бедно, но отучился, даже пару раз в конкурсах участвовал, чуть было «старт-ап» не затеял на ниве кибернетики, а на пятом курсе загулял — пошли «энки», «незачеты»... Короче, отчислили Марлена.

Тогда Исаев-старший «сослал» сына в Лондон — обжиться в языковой среде. А толку? «Золотой молодежи» и в «Лондонграде» хватало, было с кем потусить. Вот тогда отец и поговорил с «блудливым сыном». Ну, как поговорил...

Молчал минут пять, сопел в две дырки, а потом посмотрел этак, с легкой брезгливостью, и сказал: «В армии мы таких, как ты, звали чмошниками». Сказал, повернулся и ушел.

А Марлен стоял как оплеванный. Десять минут спустя он уже ехал в Хитроу, весь на нерве, злой, а когда прилетел в Москву, сходил в парикмахерскую, сделал себе прическу «милитари» и явился в военкомат. Готов, дескать, исполнить священный долг.

Ничего, отслужил, как все...

Исаеву ко времени призыва исполнилось двадцать два, так что в своей группе он был самым старшим. Да его и так никто не задевал — высокий, широкоплечий, Марлен внушал некоторое почтение уличной шпане.

Без ограничений по здоровью, Исаева направили в ВДВ, чем он поначалу гордился — как же, «Войска Для Войны»! Здесь не муштрой заняты, а как раз той самой боевой подготовкой, с утра и до вечера. Если бы он только знал, насколько это верно!

Наивные надежды на то, что в десанте из него мигом сделают крутого каратиста, на манер Брюса Ли как минимум, не оправдались. Нет, конечно же, «рукопашке» их учили, и учили неплохо — самым эффективным приемам. Пользоваться саперной лопаткой, автоматом, ножом — уничтожать врага быстро и с наименьшими усилиями.

Но куда больше времени уделялось бегу. С кросса начинался каждый день! И штанга была, и на стрельбище часто занимались, и с парашютом прыгали — днем, ночью, на воду,

на лес, из-за облаков, с оружием и снаряжением...

Поговорка, родившаяся в ВДВ, правильно выделяет суть: «Пять минут ты — орел, а все остальное время — ломовая лошадь».

В общем, скучать было некогда.

Однажды их послали в Чечню, когда там объявили КТО, но стяжать славу Исаев не сумел. Видимо, среди бандосов набралось мало желающих связываться с десантниками.

Так, проехали «на броне» по горным дорогам, один раз только постреляли, когда какой-то горец сдуру пальнул по колонне. Вот и все боевые действия.

Отец с матерью приезжали в часть, мать плакала и причитала (так и не освоила роль вышколенной богачки-стервы), а батя молчал-молчал, а потом просто пожал сыну руку, да и ушел. Дела.

После дембеля Марлен сохранил какой-то новый настрой, что ли. Он по-прежнему пользовался отцовскими деньгами (Исаев-старший еще двадцать пять лет назад сказал: «У меня в детстве ничего не было, пускай у сына будет все!»), но зарабатывать «бабосы» хотел сам. Именно зарабатывать, а не «делать» или стяжать.

Смешно — «новый русский» назвал первенца, как деда, Марленом, уже не помня, что имя это — в честь Маркса и Ленина.

А Исаеву-младшему нравилось. И он заказал известному дизайнеру логотип своего детективного агентства в виде двух профилей — автора «Капитала» и вождя мирового пролетариата.

Почему его потянуло именно в сыщики? Да вот пришло как-то в голову и не вышло. Может, про Шерлока Холмса да Эркюля Пуаро начитался? Или кино насмотрелся?

Отец сына поддержал — чем бы дитя ни тешилось...

Вот только работенка вышла вовсе не такая, как в сериалах показывают, — без погонь и перестрелок. То ревнивому мужу приспичит за женой проследить, то еще какая скучная бытовуха. Серьезных дел только два велось.

Но все равно это была настоящая работа, он сам «пахал и заколачивал» деньги! Это и поднимало Марлена в собственных глазах, и позволяло смотреть на приятелей немного свысока.

Балуйтесь, дескать, балуйтесь, дядя за вами присмотрит...

...В этот момент Алле надоело изображать носовую фигуру на «Титанике», и она плюхнулась прямо Исаеву на колени. Прижалась, потянулась — и все мысли у Марлена выдуло из головы...

* * *

...Проснулся Исаев поздно. Разлепил глаза, сощурился от яркого света, бившего в окно, поморщился — в голове словно маленькие молоточки дробь выбивали. Где он?

Оказалось, что дома. То есть в студии, где размещался офис агентства «Маркс и Ленин». Только почему он на диване, а не в постели? И Алла где? Или Карина, без разницы?

Застонав, Марлен поднялся. О, бедная его голова...

Вздыхнув, Исаев хмуро глянул на Вику Тимофеева, свернувшегося калачиком посреди его кровати. Вот наглый...

Хотя Аллы или Карины рядом с Витькой тоже не было — наперсник детских забав дрых

в полном одиночестве.

Марлен прошлепал босыми ногами в крохотную кухоньку и запустил кофе-машину. Обычно он кофий не пил, чай хлебал в основном или какао, но сегодня, сейчас доза кофеина точно не помешает.

Слушая, как шипит эспрессо, Исаев взлохматил волосы и стал вспоминать вчерашний день.

Ну, сначала, как всегда, они завалились в «Пропаганду». Девочек угостили шампанским, а они с Витькой изрядно хлебнули текилы. Или там был виски? Ну, не суть важно...

Потом они двинули на Саввинскую, в «Сохо Румс», где отцеживается весь московский гламур — все эти звездочки и звездунчики да «светские львицы», как нынче принято называть тунеядок.

Спрыснули радость и поехали заливать горе в «Крышу мира». Да, они там точно были — Марлен помнил гостиницу «Украина» за окнами и Белый дом. А дальше?

В памяти — пробел.

Выпив кофе, Исаев пошел умываться. Бриться не стал — лень, да и двухдневная щетина придает мужественности его пухлым щекам...

Одевшись, обувшись (джинсы «МакКуин», мокасины «Филипп Плейн», рубашка «Джеймс Лонг», пиджак «Дольче-Габбана»), причесавшись, Марлен хмуро глянул на свое отражение. Будем надеяться, что легкая помятость до обеда разгладится.

Вздыхнув, он перешел в кабинет и отпер дверь в приемную, надеясь, что клиентов нет и можно будет часок-другой поваляться на диване. Увы, клиент был.

Какой-то древний дедок, седой совсем, с палочкой, в простеньком пиджачке и обтерханных брюках, терпеливо высиживал в приемной.

— Вы ко мне? — спросил Исаев, тая последнюю надежду.

Старик медленно поднял голову. А глаза-то совсем молодые, цепкие...

— Я... к этому, — дед поморщился, — к частному детективу.

— Мои услуги стоят... — Марлен запнулся, — недешево.

— Я в курсе.

— Заходите.

Старик неторопливо поднялся и, опираясь на трость, прошествовал в кабинет.

— Присаживайтесь.

Марлен устроился за столом, а дед опустился в мягкое кресло напротив.

— Почему ваше агентство так называется? — спросил старик. — Вы что, марксист? Верный ленинец? Или — наоборот?

Исаев помотал головой:

— Все куда проще. Меня зовут Марлен, в честь деда.

— Тогда понятно... — покивал старик.

— Так что вас привело ко мне?

Клиент подумал.

— У меня пропал правнук... — проговорил он. — Вам сколько?

— Двадцать пять.

— Ага... А Мише — двадцать четыре. Он недавно окончил институт, устроился на работу, пошел в первый свой отпуск и... Пропал. Без вести.

— Вообще-то мои возможности не так уж широки, — осторожно проговорил Исаев. — Я, конечно, могу нанять людей, чтобы поискать вашего внука, но это будет очень дорого

стоять. Нет-нет, я не отказываюсь, но... Может, будет лучше обратиться в полицию?

Дед не рассердился, кивнул спокойно и вроде бы печально.

— Я обращался уже, ведь Миша пропал пять дней назад, седьмого мая. Полиция тут не поможет...

— Почему вы так думаете? Вот что, расскажите мне, когда точно пропал ваш внук, где, при каких обстоятельствах. Хорошо?

Старик пожевал губами.

— Хорошо. Только у меня большая к вам просьба: не тревожьте родителей Миши, ладно?

— Вы думаете?..

— Да.

— Ну, ладно... Кстати... Извините, что не представился. Марлен Исаев. Просто Марлен.

— Павел Иванович Краюхин. Ну, что рассказать? Еще в прошлом году Миша с друзьями увлекся раскопками по войне... Поисковики, слышали про таких?

— А, ну да, слышал. Это которые оружие ищут, трофеи всякие?

— Кто как, — поджал губы Краюхин. — Есть такие, что павших откапывают и хоронят потом по-человечески.

— Простите, Павел Иванович, — смутился Исаев.

— Пустяки... Та команда, с которой мой Мишка сошелся, копала где-то под Рославлем, недалеко от поселка Стодолище. В июле сорок первого там бои шли, наши отступали, выходили из окружения... Поисковики лагерь свой устроили недалеко от того места, где у нас в сорок первом тоже лагерь стоял, там даже землянки были... Вот в тех местах Мишка и пропал.

— А лес он знал, внук ваш? А то, знаете, как городские в лесу...

— Нет-нет, Миша лет с десяти в походы ходил, травы знал, коренья... Ему нож дай, он и рыбу словит, и птицу какую, и суп сварит.

— Интересно... — затянул Марлен.

Ему показалось, что дед чего-то недоговаривает. Инфы сливает много, а какие-то сведения аккуратненько обходит.

— Вы... вот что, — глухо сказал Краюхин, доставая из внутреннего кармана пиджака сложенный файл с бумагами. — Тут все, что Миши касается, и... Я человек, конечно, не богатый, так и потребности у меня — около нуля. В общем, тысяч триста я скопил-таки. Надо если, то и квартиру продам, миллионов восемь она потянет, надеюсь...

— Не надо ничего продавать, — пробурчал Исаев. — Сделаем так. Я выеду на место и сам займусь поисками. Деньги у вас с собой? Или по карточке?

— Лучше наличными.

— Сто тысяч на расходы... А потом посмотрим.

Старик отсчитал двадцать новеньких пятитысячных и расписался в стандартном договоре.

— Вы мне адресок ваш оставьте. И телефон.

— Все здесь, — старик легонько шлепнул рукой по файлику и покинул кресло. Уже направляясь к двери, он задержался и сказал неуверенно: — Вы, если чего странного найдете, не отмахивайтесь, ладно?

— Ла-адно...

«Ой, крутит дед, ой, крутит...»

— До свиданья, Павел Иванович.

— До свиданья...

Старик вышел. Марлен послушал немного размеренный стук трости и стал разбираться с бумагами. Информации — «около нуля».

Михаил Алексеевич Краюхин, окончил МИРЭА^[1]. Заядлый турист, знался с реконструкторами, потом примкнул к поисковикам. Есть ли подруга, не известно, а вот друг был. Игорь Судат. Пропал вместе с Мишкой.

Исаев достал пластиковую папку, сунул в нее файл и аккуратно вывел маркером: «Дело № 3».

Тут в дверь поскреблись, и показалась лохматая голова Тимофеева.

— Привет, Исаев, — уныло сказала голова.

— Привет, привет... Куда наши девчонки делись, не помнишь?

— Девчонки?

— Ну, Алла с Мариной.

— А, эти... Не, не помню, — равнодушно мотнулась голова и с робкой надеждой поинтересовалась: — Пиво есть? Холодненькое?

— Не держим-с! — садистски ухмыльнулся Марлен. — Ты же знаешь, я к пиву равнодушен.

Виктор громко застонал.

— Хочешь, поехали со мной? Проветришься по дороге.

— Куда?

— Под Рославль.

— Здравствуйте!

— Привет.

— А что ты там забыл?

— Дело там у меня. Может, даже уголовное. Парень там пропал, буду искать. Ну, как? Едешь?

— Поехали, — махнул Тимофеев рукой. — Все равно мне жизнь не мила!

Глава 2

Замкадье

«Бентли» так и остался на парковке, оставленный под утро — поперек разметки, разумеется, и одним колесом на бордюре.

Выехали на марленовском «Гелендвагене» — раньше это даже было поводом для плосковатых шуточек. Исаев, отучившийся в школе с английским уклоном и разговаривавший на изысканном диалекте «инглиша», предпочитал немецкие машины, а вот Тимофеев, с малых лет изучавший «хох-дойч», обожал авто «Made in UK».

Аккуратно ведя «гелик» (недосып все-таки чувствовался), Марлен выехал за МКАД и резко добавил скорости — быстрое вождение всегда хорошо тонизировало его, встряхивало, что ли. Водителем он был осторожным, и когда спидометр показывал 120, то Исаев полностью сосредотачивался на дороге.

Лихачества, к которому был склонен Вика, он не одобрял (взрослый дядя, что вы хотите...).

Еще четырех не натикало, когда они добрались до поселка Стодолище. Здесь даже супермаркет был.

Потрапезничали в кафе с игривым названием «Пышка» и двинулись дальше — по грунтовке вдоль реки Стометь, потом искали съезд и по свежей колее добрались-таки до лагеря поисковиков.

Лагерь разбили на месте, где еще до войны красноармейцы вырыли землянки — тренировались они тут, что ли. Здесь холмы выстраивались подковой, обращенной к речке, а на берегу торчал камень необычной формы — двурогий, словно огромный зуб.

Сюда-то Марлен и заехал.

Поисковики жили в палатках, в сторонке был сколочен навес, под которым находился длинный дощатый стол. Невдалеке стояла замызганная «Тойота» и столь же заляпанный грязью грузовичок, который разгружали двое парней в камуфляже.

— Привет! — поздоровался с ними Исаев. — А где ваше начальство?

Белобрысый парень, перехватив картонный ящик с лапшой, указал подбородком:

— А вона, на раскопе! Дим Димычем кличут.

— Хорошо, хоть не фиксиком... — проворчал Виктор.

— Что, пива не хватило? — хмыкнул Марлен. — Ты ж пять бутылок высосал по дороге!

— Башка все равно болит.

— Ничего, сейчас надышишься, пройдет!

На большой поляне, которую охватывали подковой холмы, росло несколько вековых дубов. Именно между ними и шли раскопки. Трое мужиков и три девушки трудолюбиво рыли землю, откапывая нечто большое и ржавое.

— Всем привет! — бодро сказал Исаев. — А кто Дим Димычем будет?

Плотный мужик, затянутый в «пятно», обернулся к нему:

— Слушаю.

— Нас сюда Павел Иванович направил, Краюхин.

— А-а... Так вы из полиции?

— Не совсем. Детективное агентство.

— Эва как! — подивился Дим Димыч. — Первый раз живого сыщика вижу! Так вы насчет Мишки?

— Да, — кивнул Марлен. — Хочу осмотреть, так сказать, место преступления, хотя, на мой взгляд, в этом деле криминала нет.

— Ага... Правильный ваш взгляд. Уголовкой тут и не пахнет. Просто... Странно все как-то. Ну, ладно. Артем! Будешь за главного.

— Понял...

Дим Димыч сноровисто выпрыгнул из раскопа и отряхнул руки.

— Пошлите, проведу по местам боевой и трудовой славы. Раньше мы копались на Десне, под Ельней, потом сюда сместились. Мишка потому и увязался за нами, что здесь его дед воевал. Где-то до седьмого мая они тут с другом вкалывали. Потом уехали и вернулись уже числа десятого. Причем не на «Ниве», как раньше, а на великах.

— На великах?

— Ну, да. Полиция, когда приезжала, велики эти нашла и с собой забрала. Мишка их в Думаничах одолжил — это здесь недалеко. На великах, значит, с большими рюкзаками... Мишка сразу — хочу, говорит, покопаться на месте старого дедова лагеря. Я ему тогда и говорю — мы, мол, туда в июне переберемся, все вместе, а у него ж нетерпение! Сюда.

Сырой низинкой между холмов вся компания вышла на берег ручья, через который легко было перепрыгнуть, и поднялась на длинную и плоскую возвышенность, заросшую соснами.

Место было удивительное. Здесь легко дышалось, сосны росли так густо, что закрывали солнце, но сравнение с сумраком даже в голову не приходило — Марлен сразу вспомнил, как в детстве составлял стулья и накидывал сверху одеяло. Сидеть в таком «домике», да еще с фонариком, было очень «таинственно» и очень интересно.

— Место силы, — приглушенно сказал Дим Димыч. — Заметьте: болото рядом, а комарье вообще не залетает. Тут один мой дружбан бывал, он археолог, так он набрел тут на черепки. Какая-то срубная культура. Говорит, что городища здесь не стояло, места маловато, а вот кумирня какая-нибудь, святилище древнее, — наверняка. Предки, говорит, ценили такие места. Да и потом... Вон там, где повыше, скит стоял, его еще сто пятьдесят лет тому назад спалили. Я об этом случайно узнал, поп один разговорился. Отшельник тут жил, святыню какую-то берег, а как помер, так и сгорело все. А вот тут, — поисковик неторопливо шагал к центру возвышенности, где ровная поверхность сменилась буграми да впадинами, — в тридцать восьмом лагерь был у артиллеристов. Они землянки нарыли, жили в них, склады организовали, а в сорок первом все тут разбомбили. Павел Иванович сюда приходил, стоял долго, думал всё, вспоминал, как оно было. А палатку Мишка вон там поставил, повыше, где «Зачарованное Место».

— Зачарованное Место?

— Ага. Мишка так говорил. Это где-то в книжке про Винни Пуха было, что ли. В старину тут капище стояло — Серега, это тот археолог, именно тут черепки свои наковырял. Потом на этом самом месте часовенку поставили, она вместе со скитом сгорела, а красноармейцы какой-то старый остов той часовенки приспособили — землянку соорудили. Вот такой тут культурный слой...

— И что Мишка? — Марлен вернул Дим Димыча к теме разговора.

— А что Мишка? — развел поисковик руками. — Тут и сказать-то нечего! Первый день, когда они тут копались, никто сюда не заглядывал. Мы только на третий день вспомнили, что никто к нам не заходил. В первый-то день раза три являлись — то заварки просить, то

сахару, то у них черенок у лопаты сломался, чинили. Артем тогда сам к ним сходил, а тут никого! Мы еще, помнится, обиделись. Решили, что пацаны в Москву умотали. Возмущались, помню. Могли бы, дескать, и попрощаться зайти. А потом дня четыре проходит, и полиция нагрянула. Я сам их сюда привел, они тут все облазили и нашли велики — не здесь, а метров за двести отсюда, у болота. И все на этом. Ни следов, ничего.

— Понятно... — протянул Исаев. — Ну, спасибо вам. Мы тут еще побродим немного?

— Да ради бога!

— Наверное, палатку поставим. Но к вам заглянем обязательно!

Поисковик расхохотался и пожал Марлену руку.

Когда Дим Димыч ушел, настала тишина, чуть ли не первобытная. Казалось, вся цивилизация окрест сгинула и они остались вдвоем в каком-нибудь палеолите. Если бы в это время затрубил мамонт, Исаев несколько бы не удивился.

— Тебе не жутко здесь? — негромко спросил Виктор.

— Да не то чтобы жутко... Странно как-то.

— Знаешь, а голова не болит уже!

— Вот! А я что тебе говорил? Пошли за палаткой.

— За палаткой? — вытаращил глаза Тимофеев. — Ты что, тут ночевать собрался?

— Почему я? — хладнокровно ответил Марлен. — Ты тоже.

— А я еще никогда не спал в палатке... — растерянно сказал Виктор.

— Вот и копи опыт!

Пока они перетаскивали из машины навороченную кемпинговую палатку «Алексика», пока установили ее, уже и стемнело. Поужинали с поисковиками — дорогой московский «паек» пошел на ура — так что «домой» возвращались уже в полной темноте. Синий луч мощного фонаря высвечивал тропу, отчего мрак вокруг еще сильнее сгущался.

— Так, я налево, — бодро сказал Исаев, заползая в свой спальный блок, — ты направо. Или меняемся? Мне лично все равно.

— Мне тоже, — уныло вздохнул Тимофеев. — Вот тебе и весь сказ...

Улегшись, Марлен долго слушал тишину. Лишь изредка задувал ветер, и тогда верхушки сосен сдержанно шумели. Угукнет ночная птица, и снова тишина.

Незаметно задремав, Исаев проснулся часа в два ночи — глаза уловили свет снаружи. Сонно поморгав, Марлен подумал, что это Витька решил до ветру сходить, а куда ж ему без фонаря? Еще бабайка схватит...

Улыбаясь, Исаев погрузился в сон.

* * *

Утром он встал свежим и отдохнувшим. Воздух, настоящий на хвое и смоле, омывал прокуренные и загазованные легкие. Ничего-то не болело, только аппетит разыгрался, но это как раз признак здоровья.

Идти к поисковикам Марлен поленился, да и толку? Те вставали рано, уже закопались небось. Вчера вон скелеты нашли с медальонами. Будут потом изучать в лаборатории, чья фамилия записана на листочке, вложенном в бакелитовый «смертный» медальончик, — чернила-то выщвели, и даже то, что было выведено химическим карандашом, уже не разобрать.

Хотя красноармейцы редко вкладывали в медальоны листочки со сведениями о себе. Да, если ты погибнешь и тебя похоронят, вскрыв медальон, то семье помогут. Но дело как раз в том, что у бойцов Красной Армии существовало стойкое поверье: если напишешь о себе в медальон, то тебя точно убьют.

Вот и получалось, что листочек с записью можно было найти в одном-двух медальонах из сотни. Это Марлену поисковики рассказали.

Исаев вскрыл мясные консервы, и они с Витьком слопали целую банку. Спиртного брать не стали, и Тимофеев выглядел вялым — непривычно ему было, чтобы утро, а он с похмелья не мается. Глядишь, так и привыкнет к трезвой жизни! Хотя... Нет.

А чем он ее заполнит тогда? Работой? Учебой? Что смеяться...

— Ну, давай, дорогой Ватсон, — потер руки Марлен, — осмотримся внимательно, поползаем с лупой.

— Дава-ай... — зевнул Тимофеев.

Битый час они ходили по высокому плоскому холму, плутали между сосен, но ничего не нашли.

— Дупель-пусто... — вздохнул Виктор.

— Похоже, — кивнул Марлен и осторожно спустился в большую, заросшую травой яму, к остаткам той самой землянки, которую построили на месте сгоревшей часовенки.

Крыша в три наката почти сгнила и не рухнула лишь потому, что ее удерживала четырехугольная металлическая рама, примерно метр на полтора, вроде как сваренная из толстого швеллера.

Сталь словно закалилась — не ржавела, приобретя цвет хорошо обжаренных кофейных зерен.

Было заметно, что половина крыши обвалилась по эту сторону, но кто-то трудолюбиво откопал землю и выбрал трухлявое дерево.

Надо полагать, Дим Димыч и его команда.

— А это чей? — спросил Тимофеев, кивая на сотовый телефон, лежавший внизу металлического «остова», будто на подоконнике оконной рамы.

— Не мой точно, — хохотнул Марлен, склоняясь, и замер.

С верха металлической конструкции свисала коричневая сосулька-сталактит. Такие порой образуются в подвалах, где сочится вода. Капля по капле, миллиметр за миллиметром. Растет сосулька десятки лет.

Но не сталактит впечатлил Исаева — вода еще и вниз капала, из-за чего на «подоконнике» выросла этакая нашлапка, больше всего похожая на кусочек грязного льда. Вот только нашлапка эта покрывала сотовый телефон...

Исаев облизал пересохшие губы. Медленно протянув руку, он положил пальцы на мобильник, стронул с места. Тот будто прилип, но нашлапка-сталагмит была хрупка.

Марлен поднес телефон к глазам. Обычный «Нокиа», бюджетная модель.

— Может, кто из поисковиков посеял? — измыслил гипотезу Тимофеев.

Исаев с сожалением посмотрел на приятеля.

— Смотри, — глухо сказал он. — Видишь этот натек?

— Ну.

— Это вот отсюда накапало. Понимаешь? Этому натеку — лет пятьдесят, если не больше.

— Ничего себе! — поразился Вика и нахмурился: — Да чё ты врешь, Исаев? Тогда ж не

было сотовых!

— Вот именно, — сухо ответил Марлен, поднимаясь. Задумавшись, он спросил: — Слушай... А ты, когда ночью вставал, куда с фонариком отходил?

— С каким фонариком? — опять удивился Тимофеев и тут же рассердился: — Да чё ты все выдумываешь! Никуда я не вставал, спал до самого утра!

— А я ночью свет видел, — тихо проговорил Исаев, — примерно в этом месте. — Он обвел рукой землянку.

— Свет? Стоп-стоп-стоп!

Глаза у Витьки стали пучиться, а рот открываться.

— Так это чё? — пролепетал он. — Гаджет тут с самой войны, что ли, лежит? Это чё — портал?!

Марлен зачем-то понюхал сотовый и медленно проговорил:

— Я не знаю, что это, но... — Он грозно нахмурил брови. — Никому ни слова! Ясно?

— Ну, конечно! — воскликнул Тимофеев.

Исаев кивнул и сказал:

— В Москву!

— В Москву!

Глава 3

Спасти рядового Краюхина

За десятки лет влага выела сотовый изнутри, но по симке удалось установить владельца — им был Михаил Алексеевич Краюхин.

Марлен впервые за несколько лет существования своего агентства блаженствовал, по шейку окунувшись в шикарную тайну. Все было как в лучших романах, так мало того — тут детектив еще и с фантастикой совмещался!

В отличие от Виктора, он был человеком вдумчивым, солидным (ну, конечно...) и так просто не поддавался на всякие странности. По его твердому убеждению, только дебилоиды могли верить, будто НЛО — это инопланетные зонды или «тарелочки». Тут вера не к месту — знать надо, а не верить.

Вот как притащите этот самый НЛО в лабораторию, разберете, чтобы понять, как оно тикает, вот тогда и будете рассуждать о его внеземном происхождении. А ежели у вас ничего, кроме размытых фото да «свидетельств» психов с алкашами нету, то и незачем позориться, доказывая собственные выдумки.

И вот тут-то начинались сложности.

Ведь Исаев не просто слышал от кого-то о портале, он сам его видел, шупал даже. Разумеется, пока никаких доказательств не существовало, это лишь для Вики все было ясно.

А для Марлена существовала лишь версия — о межвременном туннеле. Занимательная версия, что и говорить, вот только подтверждений у нее не было.

Да, в тех самых местах пропал Мишка Краюхин.

Да, что-то такое светилось.

Но это пока даже не косвенные улики, а так, предположения романтического характера. Зато дело № 3 сразу обрело волнующую ауру тайны, и поиски шли с вдохновением.

Тимофеев тоже впал в азарт. Еще бы! Его жизнь, заполненная выпивкой, гулянками, девочками, была однообразна и скучна. Такие, как он, не зря скатывались до наркотиков — нечем было заполнить сосущую пустоту в душе.

Работа? А зачем она, когда денег навалом?

Учеба? А на кой?

И остается только одно — искать хлеба и зрелищ. Вернее, фуа-гра и шоу. Любой бюджетник из тех, кого «креаклы» кличут быдлом, будет счастлив поменяться местами с Викой хоть на день, а лучше на неделю, но гулянка продолжительностью в десять, двадцать лет — это уже не праздник, это хуже будней, потому что смысла в этом никакого.

Бюджетник клянет свою скучную работу, копит на отпуск, завидует «мажорам», но все его потуги оправданны, впереди у него пусть мелкая, ничтожная, но цель. А вот у мажоров цели нет.

Может, поэтому Марлен и завел свое агентство, чтобы в его жизни появилась цель? Хоть какая-нибудь, хоть выдуманная или надуманная!

— Ну, что, дорогой Ватсон? — Исаев энергично потер руки. — Поехали к старику?

— А зачем?

— Это элементарно, Ватсон! Еще когда Пал Иваныч ко мне пришел, я понял, что он чего-то недоговаривает. А потом, когда дед уходил, то сказал знаешь, что? Не отмахивайтесь,

сказал, от странного!

— Так он знал о портале?

— Господи, да с чего ты взял, что там портал? Куда портал?

— Ну-у... Не знаю. Во времени, например. Или в параллельное пространство. Ведь Мишка-то пропал! Нет, это точно межвременной портал! Мишка побоялся с собой сотик брать и оставил его!

— Ага! Когда землянку откопали, никакого сотового там не было, его бы сразу нашли — телефон лежал на виду. А потом он, значит, появился. Так, что ли?

— Ну, да! Мишка ушел? Ушел. И оставил свой телефон — тогда оставил, понимаешь? В том времени! Землянку-то раскопали до Мишкиного ухода? Ну, вот! И никто потом туда не заглядывал, пока ты не спустился.

Исаев почесал в затылке, но никаких контраргументов не нашел — да кто ж его знает, как оно устроено, время это?

— Ладно, поехали.

В это время зазвонил телефон у Тимофеева. Вика поспешно вытащил его и сказал нетерпеливо:

— Алё! Кто это?

Звонившая назвалась Кристиной.

— Привет, Кристина, — зачастил Виктор, — очень рад тебя слышать, но мне сейчас совершенно некогда, дела важные, пока-пока! Уф! Поехали!

Друзья отправились на «Бентли» — Тимофеев третий день не пил, даже пива.

— А ты видел, какой там металл? — болтал он, сидя за рулем. — Вдруг какая-нибудь хрень инопланетная! Представляешь?

— Господи, да обычная железяка...

— Ага, обычная! Столько лет простояла и хоть бы что! И откуда мы знаем, что она вся на виду? Может, это только верхушка выглядывает, а сам портал глубоко под землей скрывается, и он здоровенный, как Спасская башня?

— Вика! Это всего лишь твои домыслы, понятно? Пока что у нас на руках нет ни единого факта, указывающего на какую-нибудь там темпоральную природу объекта. Ну, разве что этот сотовый... Все равно надо сначала все тщательно изучить, а потом уже делать выводы. Смутные сомнения, которые тебя терзают, не в счет.

— Скучный ты человек, Исаев! Никакого в тебе романтизму!

— Зато в тебе его с избытком... куда ты гонишь? Сворачивай!

— Здесь, что ли?

— Здесь...

Ветеран проживал в панельной девятиэтажке на проспекте Вернадского. У подъезда стояло несколько машин, но «Бентли» среди них выглядел как муравьед среди дворняжек.

— Пошли, Ватсон. Только держись солидно.

— Лифт, конечно, не работает, — проворчал Виктор.

— Ничего, ножками!

— Вот тебе и весь сказ...

Квартира у Краюхина была на четвертом этаже. Позвонив, Марлен долго ждал реакции.

— Может, «Дедус» на даче? — предположил Тимофеев.

— Дед не в том возрасте, чтобы картошку окучивать. О, кто-то идет!

— Кто там? — послышался старческий голос.

— Откройте, Пал Иваныч! Это Марлен!

Звякнула цепочка, и дверь приоткрылась. Краюхин был в пижамном халате.

— Мы вас разбудили, наверное?

— Какие пустяки, — отмахнулся старик. — Проходите. Вон тапочки...

Исаев с Тимофеевым переобулись и прошлепали в тесный «зал», обставленный по традиции — справа «стенка», слева диван.

— Присаживайтесь. Узнали чего?

Марлен сделал знак Витьке, чтобы помалкивал, и осторожно выложил:

— Мы нашли телефон Михаила — в землянке, где... хм... каркас. Телефон пролежал там лет пятьдесят, точно.

Краюхин сильно побледнел.

— Больше, — глухо вымолвил он. — Семьдесят пять.

— Рассказывайте, Павел Иванович, — выдохнул Исаев.

Старик вздохнул.

— Прежде всего... Вы уж простите, что не все рассказал, да вы мне просто не поверили бы. Верно? Ну, вот... Это еще на Первое мая случилось. Прибежал Мишка и радостно так — нашли мы, говорит, твой лагерь, дед! Мы тогда, в сорок первом, отступали от Смоленска, выходили из окружения. Нас набралось человек сорок — артиллеристы были, пехотинцы, танкисты. Мы пробивались к линии фронта, а я и скажи ребятам — здесь, говорю, на Стомети, лагерь стоит. Может, там найдем чего? Вот мы туда и забрели. Тяжко было, ох, тяжело... Жрать нечего, патроны кончились, пятеро раненых, а у нас даже бинта поганого, и того нет! Дней пять мы в том лагере кантовались, пока «Юнкерсы» не налетели. Уж как они нас заметили, не знаю, но отбомбились по полной — срываются в пике, завывают, как черти в аду, и лупят по нам бомбами... Тогда-то меня и ранило. 27 июля. Ага... Потом мы дня два выбирались. Выбраться-то мы выбрались и до наших дошли, вот только осколок тот до сих пор во мне сидит, ноет перед дождем просто нестерпимо... Одно помню, с той землянкой связанное. Боялись мы ее. Там сыро было, но если буржуйку протопить, то влага быстро выходила. А с нами женщина вместе отступала, сестричка из медсанбата, вот она в той землянке и поселилась — там на двери крючок был. Закроется и спит спокойно. А тут одному раненому худо стало, мы к ней. Утро раннее, стучимся. А она не открывает. Мы: Марья Спиридоновна! Марья Спиридоновна! Молчок. Мы дверь потрясли, дернули, крючок и сорвался. Понимаете? Заперта она была изнутри! А в землянке — никого! Потом уже, в день той самой бомбежки, случилось то, что мне в последующие ночи снилось часто, пугало. Я, помню, хворост собирал и вдруг гляжу — а из землянки свет такой, дневной будто, и какой-то старик страшный выглядывает. Стоит на карачках, глаза вытаращены, седые космы растрепаны, и то ли жует чего-то, то ли говорит, не пойми что... И вот когда Мишка ко мне прибежал, то стал меня звать туда, на Стометь. А я что? Дай, думаю, съезжу, хоть погляжу, что там, вспомню, как оно было. Поехал. Поглядел. Мишка к поисковикам убежал, а я один остался — хожу, смотрю... Спустился в землянку ту, и будто, знаете, струна лопнула. Смотрю, а за той рамой — поляна. Люди бродят в форме красноармейцев... А потом я увидел себя. Все мне стало ясно, какого старика я испугался тогда! Себя самого! А я смотрю, позвать хочу, предупредить, чтобы уходили, а то через час налетят «лаптежники», а голоса нет... И тут пропало все...

— Так вы просто видели сорок первый или были там?

— Был, был! В том-то и дело! Я же в эту раму влез, на той стороне в землю руками

оперся! Я там был, на войне! Опять! Ох... — Старик покачал головой. — Никогда не прошу себе, что рассказал обо всем Михаилу. Он-то поверил сразу, слушал меня с открытым ртом. А потом, когда я видел его в последний раз — на третий день после поездки в лагерь, — как раз дождь собирался, и осколок мой дал себя знать. И Мишка сказал: «Дед, мы тебя вылечим!» Я только по плечу его похлопал, не понял, старый дурак, чего правнук задумал...

— Вы полагаете, он ушел в сорок первый, чтобы предупредить вас?

— Ну, да! Парень-то он умный, осторожный, такой не сбежит на фронт романтики ради. А я и не знаю теперь, как быть, что делать... Мать убивается, отец как потерянный... А я даже по телефону с ними говорить не могу, чувствую себя последней... слов нет!

— Вы ни в чем не виноваты, Павел Иванович, — серьезно сказал Марлен.

Исаев осмотрелся. Квартирка была не то чтобы бедненькая — простая. Старый солдат обходился минимумом благ, имея лишь то, что было нужно для жизни — холодильник, стиралку, плиту. А отними у него все эти приметы цивилизации — обойдется и без них.

Внимание Марлена привлекла большая рама, в которой под стеклом находилась не картина, а фотографии. Старые, пожелтевшие снимки.

Не утерпев, Исаев приблизился, чтобы рассмотреть поближе. Вот Краюхин в молодости — чуб из-под пилотки, чисто гагаринская улыбка. А вот солдаты на привале — и трубы печей на заднем плане, все, что осталось от сожженной деревни. Молодой сержант позирует на фоне подбитого немецкого танка.

Почувствовав чье-то присутствие, Марлен оглянулся. Павел Иванович стоял за его спиной и глядел на фото, щуря глаза.

— Это Женька Сегаль, — сказал он негромко, — который на танке. Убили его в сорок пятом, два дня не дожил до победы...

— А это кто? — Исаев ткнул в фотографию смешливой девушки в форме, с беретиком, чудом удерживавшимся на копне богатых волос.

— А-а... Это Галя. Галочкой все ее звали. Зенитчица. Она последняя осталась из всего ихнего дивизиона, мы его «девчачьим» называли. И бомбили их, и обстреливали... Одна пушка осталась всего, так Галка и заряжала сама, и наводила, и стреляла. Снарядики-то мелкие, но два танка немецких Галочка подбила-таки. Держалась до конца, наших прикрывала, пока ее немцы не схватили — привязали за руки-ноги тросами к двум танкам и медленно разорвали...

Тимофеев побледнел, а Исаев вдруг испытал стыд за то, что взял с этого фронтовика деньги.

— А это вот... — сказал он деревянным голосом, тыча пальцем в крепкого мужичка в фуражке, указывавшего группе командиров куда-то в лес. — Погон еще не было, да? Я не разберу, тут что — «кубари» или «шпалы»? Он кто — комкор?

Краюхин покачал головой.

— Погон еще не было, — сказал он, — а звания уже ввели. Это генерал-лейтенант Качалов, командующий Двадцать восьмой армией. Мехлис потом еще наклеузначил на Владимира Яковлевича — мол, предатель, сдался в плен. А генерал погиб четвертого августа. Мы же с ним тогда выходили из окружения...

Марлен облизал губы.

— А подробнее можно? — выдавил он. — Мне надо.

— Да ради бога, — пожал плечами фронтовик. — Немцы тогда Смоленск заняли, бои шли страшные, мы оттуда, от Смоленска, и топали. А Качалов собрал ударную группу... До

сих помню — 145-ю и 149-ю стрелковые дивизии и 104-ю танковую. Там как раз эшелон пришел, разгрузили четырнадцать новеньких «КВ» и шестьдесят «тридцатьчетверок». Вот Владимир Яковлевич и решился — он нанес контрудар из района Рославля. Немцам пришлось не сладко, они-то привыкли, что мы постоянно отступаем, а тут вдруг — здрасте! Качаловцы отбросили противника за реку Стометь, и получилось так, что они стали здорово угрожать передовым частям вермахта. Немцы сразу подтянули силы покрупнее и ударили с флангов — 7-й армейский корпус с юга, 9-й корпус — с севера. Танкисты 104-й дивизии вышли к деревне Ковали, а ее артиллерийский полк занял позиции на восточном берегу реки. И пошли бои... Немцы ломали со страшной силой, 1 августа они прорвали нашу оборону, а 3-го окружили оперативную группу Качалова. 4 августа генерал начал прорываться на восток. Тогда-то наши окруженцы — ну, те, с кем я был, — и встретились с качаловцами. В тот же день и погиб генерал. А мы с танкистами, прямо на броне, рано утром 5 августа рванули на скорости, вышли к мосту через Десну, смяли с ходу охранение немцев и погнали на восток, вдоль шоссе Москва — Варшава. Прорвались, доехали до сборного пункта в деревне... Название у нее еще такое было... Дай бог памяти... Вспомнил! Деревня Амур.

Несколько минут стояла тишина. Даже Вика сидел задумчив.

— Вот что, Павел Иванович, — медленно проговорил Марлен, — я постараюсь что-нибудь сделать. Не буду говорить, что именно, а то еще разочарования пойдут, то-сё... Пошли, Вить.

Усевшись в «Бентли», Марлен сказал:

— У меня есть план, но о нем потом. Сначала нужно убедиться, что Михаил действительно угодил в 41-й. Поможешь?

— Ясно дело! Говори, чего надо.

Исаев достал файл «Дедуса», порылся в бумажках и выудил нужную.

— Вот тут один адресок, съездишь по нему. Там один хитрый товарищ, он восстанавливает для поисковиков порченные солдатские документы, а заодно реконструкторам иногда печатает всякие комсомольские билеты, книжки красноармейца — для пущей адекватности. Я как думаю? Если Миха туда отправился-таки, то наверняка же подготовился.

— А-а... Вот чего... Понял, займусь. А ты?

— А я к реконам напрямую, тоже кой-чего спрашиваю. Ты вот что — подбросишь меня до метро, а дальше я сам. Реконы засели рядом со станцией «Медведково», найду.

— Понял!

— Встретимся у меня в семь. О'кей?

— О'кей!

Глава 4

Место силы

Марлен сильно притомился за день, но кое-что прояснилось-таки. Он вздохнул — ситуация усложнялась. И — упрощалась.

Неумолимо приближалось время для окончательного выбора, вот только Исаев загодя знал, что выбрать. Это и вгоняло в тоску.

В агентстве его уже ждал Тимофеев — Вика сидел за столом, нагло уложив ноги на подлокотник соседнего кресла, и листал какой-то глянец.

— Чё-то ты долго, Исаев! — воскликнул он.

— Дела, — бросил Марлен извечную отцовскую отговорку. — Докладывай.

— Значит, так. Были у него Миха с этим, с Игорем. Тот умелец сделал для них книжки красноармейца и комсомольские книжки...

— Билеты.

— Чё? А, ну да. Говорит, проблем не было, сейчас чего угодно отпечатать можно. Только Мишка все усложнил, ему зандобились настоящие фотографии, как раньше — с проявителем, закрепителем.

— Правильно, чтоб адекватней вышло.

— Ага! Глупо вышло. Оказывается, в сорок первом только в комсомольских билетах фото клеили, а в красноармейских книжках не было фоток. Прикинь? Это только в октябре сорок первого их наклеивать стали. Это мне умелец рассказал.

— Понятненько...

— А у тебя что?

— А у меня... Михаил заказал у реконов военную форму для двух рядовых Красной Армии — сапоги, гимнастерки, ремни, пилотки, — все, как полагается. По слухам, Миха с Игорем загнали свои компы, чтобы расплатиться.

— Подготовились, значит...

— От и до.

— А чё так долго?

— В архивах рылся, потом полдня с одной школой в Минске связывался. Там тоже поисковики свои есть. Они еще лет пятнадцать назад передали в школьный музей несколько солдатских писем и одну записку из медальона. На ней было написано: «Михаил Алексеевич Краюхин, рядовой».

— Может, однофамилец?

Марлен покачал головой:

— В том-то и дело. Там еще красноармейская книжка была, именно что с фотографией. Выдана в ноябре 41-го. Я долго вылавливал смотрителя музея — это оказался какой-то ботан, повернутый на истории. Представился потомком Краюхина и слезно просил выслать скан его посмертной записки и красноармейской книжки. Ботан сжалился и выслал. Вот только историк он никудышный. Знаешь, чему он радовался? Что записка Михаила шариковой ручкой начеркана, оттого и разборчива!

— И чё? — не понял Тимофеев.

— А то. Не было тогда никаких шариковых ручек!

— А-а...

— А фото — вот.

Исаев протянул Виктору листок со сканированным изображением военного документа.

— Он! — сразу провел опознание Тимофеев.

— Вот так вот, — хлопнул ладонями Исаев. — Погиб Мишка в сорок четвертом, в Белоруссии, и похоронили его в братской могиле.

— Вот так... — растерянно сказал Вика. — И что теперь? Расскажем «Дедусу»?

— Ни в коем случае! Ты что? Хочешь, чтобы он от инфаркта загнулся? Не-ет... Надо его спасти.

— Кого? «Дедуса»?

— Мишку этого!

— К-как?

Исаев с сожалением посмотрел на приятеля.

— Надо воспользоваться порталом, — медленно проговорил он, — перейти в сорок первый, найти и спасти рядового Краюхина. Красноармейца, вернее.

— Ух, ты...

— Я уже почти решился, — вздохнул Марлен, — когда у «Дедуса»... Тьфу! У Павла Иваныча в гостях был. Понимаешь... Мне раньше и в голову не приходило, что война кончилась совсем недавно. Ведь те, кто тогда воевал, еще живы. Их мало, но они есть. Просто... — Он поискал, но так и не нашел синонимов для слова «долг», таких, чтобы без пафоса. — Просто я подумал, что... так надо. Пойдешь со мной?

Виктор задохнулся и выпалил:

— Да! Это ж такое... такое... Это ж такое приключение! Настоящее!

— Какое, на фиг, приключение? Там война идет! А тебе все игрушки!

Тимофеев взерошился сперва, но тут же расплылся в ехидной усмешке.

— А ты вокруг погляди, серьезный дядя! Это твое агентство — что, не игрушки?

— Это работа!

— Да какая, на фиг, работа! Работа, это когда деваться больше некуда, надо как-то на булку с маслом зарабатывать. А для тебя это даже не приработок, а так — развлекалово. Денег-то до фига и больше! Ты, как граф Толстой, что ходил босиком и выпендривался, как будто у него усадьбы не было! Вот если бы тебя батя без наследства оставил и устроился бы ты по специальности, инженером-электронщиком, — это была бы работа. А так...

Исаев хотел обидеться, но передумал — состояние у него было не то.

— Ладно, салабон, мы с тобой еще разберемся... Короче. Вернешься к этому своему умельцу, займешься документами для нас. Что там нужно? Да те же книжки красноармейца и комсомольские билеты. А я возьмусь за форму и сапоги.

— Оружие бы еще...

— Ага, пару «калашниковых».

— А чё? Можно достать!

— Не было их в сорок первом!

— Жалко... Ну, нам же все равно оружие нужно! Ну, как мы — в форме, при документах и безоружные?

— Ладно, придумаем чего-нибудь. Помню, один тип бате «ППШ» предлагал, говорит, в ХТС.

— В хорошем техсостоянии.

— А если ТС не совсем Х? Или совсем уж Х? Слу-ушай... А давай бук с собой возьмем?

— Какой еще бук?

— Ну, ноут! Ноутбук! Закачаем туда карты всякие, секретные документы — сейчас-то они обычные, а в сорок первом — совсекретно! Чертежи всякие — танков, самолетов... И подарим Сталину!

Марлен вздохнул и покачал головой.

— Про «попаданцев» читал небось?

— Я? Да я уже лет пять книги в руки не брал! Это реконы между собой болтали, а я слушал.

— Вика, — терпеливо начал Исаев, — даже если нас и допустят к Сталину, в чем я лично очень сомневаюсь, даже если он поверит, что мы не провокаторы, а эти... гости из будущего, то что случится потом, ты подумал?

— А что случится? Мы скорее немцев разобьем! Разве плохо?

— Хорошо. Вот только мир изменится. Напрочь! Одно изменение потянет за собой другое, и того, что есть сейчас, не будет.

— А что будет?

— Не знаю! Мы можем не стать детками богатеньких пап, да мы вообще можем не родиться! Все же другое будет. Вот где твой отец встретил твою маму?

— Ну-у... Где-то в Питере, кажется.

— А если у него жизнь совсем по-другому сложится? И он никогда не побывает в Петербурге? Если Питер так и останется Ленинградом? Ну, как? Хочешь рискнуть? С ноутбуком к Сталину, чтобы потом вдруг — бах! — и исчезнуть? Как не рожденный!

— Хм, я об этом как-то не подумал...

— А я даже и не об этом. Мне, знаешь, попросту страшно было бы что-то менять в прошлом. Нет, это здорово, если мы войну кончим не в сорок пятом, а, скажем, в сорок четвертом. Но потом-то что? Лучше будет? Вполне возможно. А если нет? А если эта наша перемена к лучшему в сороковых вообще к атомной войне приведет? И твои папа с мамой встретятся — в противоатомном бункере. И будешь ты расти хилый и бледный, пока не зачахнешь окончательно, потому как солнца не увидишь — ядерная ночь, понял? И ядерная зима.

— «Эффект мотылька», — пробормотал Виктор.

— Во-во... И вот что — никому ни слова, ни полслова!

— Само собой, это элементарно, Холмс!

— А нашим скажем, что мы отправились в секретную экспедицию. Нет, лучше письма отправим. Кстати... Насчет бука. Кое-что прихватить все-таки надо.

— Так, а я о чем!

— Ты не о том. Нам небольшой планшетик пригодился бы. Закачали бы туда карты той местности, куда премся. Желательно с перемещениями и наших, и ваших, в смысле немцев. Чтобы случаем не напороться. И главное!

— Что? — выпучил глаза Тимофеев.

— Легенда! Нам нужно вызубрить, где и когда мы родились, где жили, номер военчасти, как звать взводного, комроты и комдива и еще кучу сведений: какие тогда прически делали, сколько стоил хлеб в магазине, как звали председателя ЦК ВЛКСМ... Короче, дуй к реконам, или кто там у тебя, и выясняй.

— Будем внедряться!

— Вот именно... Ну, что сидим? Подъем!

* * *

Несколько дней пришлось побегать по Москве — готовить документы, заказывать форму и сапоги, потом — несколько примерок, заучивание легенд, знакомство с миром 1941 года, чтобы не было никаких проколов. Время-то чужое, незнакомое.

Скользковатый тип, отрекомендовавшийся Федей, достал-таки «ППШ», и ТС было вполне себе Х. «ППШ» предлагался в обычном киношно-плакатном виде — с барабанным магазином-диском на семьдесят один патрон.

Правда, в августе 41-го «ППШ» еще не добрался до войск, но автоматов тогда была целая куча, так что никто удивляться не станет.

Тот же Федя достал и «наган». Предложил гранатомет, но Исаев вежливо отказался.

Теперь, когда в его студии лежали револьвер и автомат, Марлен внутренне успокоился, ощущая комфортное чувство собственной правоты, но до конца не верил в самую возможность ухода на семьдесят пять лет назад.

Ощущения были всякие, муторных тоже хватало. Больше всего не хотелось огорчать своих. Им и так из-за него достается.

Как говорится, хочешь покоя в старости, не заводи детей в молодости. Доставать не будут.

Исаев написал родителям письмо, в котором ничего толком не объяснил, просто напустил туману. Так, мол, и так, нужно нам с Викой в одно место. Не ищите, дескать, все с нами в порядке, потом сами расскажем, когда вернемся. И подпись.

А что еще скажешь? Намекнуть? На что? «Батёк» у него — реальный до звона, он на дух не переносит разных там экстрасенсов, которых зовет «экстраскунсами», его воротит от всякой эзотерики и прочей чуши, что вызывает любопытство у лохов.

Так для того вся эта эзотерика и задумана, чтобы ловить доверчивых на любопытство — и подсекать их кошельки.

А портал — из той же оперы. Расскажи такое «батьку» — он снова посмотрит на сына с сожалением. Дескать, зря я посчитал Марлена повзрослевшим. Такой же дитёнок, как и был...

Нет уж, лучше пусть туман...

Перед отъездом Исаев с Тимофеевым отправили письма домой и сели в автобус до Рославля. Выглядели они как туристы — простая одежда, кроссовки, рюкзаки.

В Рославле пересели на рейсовый, доехали до Стодолища, а там уже купили пару велосипедов. Так и добрались до лагеря поисковиков.

Те встретили их, как старых знакомых, и даже не спрашивали о цели приезда. Посидели, выпили-закусили.

А с утра Марлен приступил к исследованиям. Надо было понять, когда именно открывается портал, на сколько, да и вообще, работает ли он.

Портал работал. Только включался на разное время — то пятнадцать секунд держал «межвременной туннель», то десять. Во вторник портал открылся всего один раз, в среду — трижды, в четверг — дважды. Ночью друзья не дежурили — включали видеорегиистратор, а потом проматывали.

Марлен чувствовал себя странно. Как атеист, которому явился ангел небесный. Что делать прикажете?

По-прежнему в Бога не верить? Счесть ангела глюком или «аномальным атмосферным явлением»? А то, что это явление вещает и чудеса являет, какой гипотезой прикроешь?

Вот так и тут, с этим порталом. Он был. По-настоящему.

И от самого наличия чуда Марлена морозило и колотило.

В среду, когда с утра портал открылся, Исаев выложил на ту сторону японский хронометр, завернутый для конспирации в тряпку. Другой такой же приборчик отсчитывал время в палатке. Вернуть хронометр удалось лишь вечером.

— А вот это уже интересно... — затянул Марлен. — Ага... Вика! Глянь...

— Чего там?

— На той стороне время течет в четыре... да нет, в пять раз быстрее!

— Это как? — озадачился Тимофеев.

— А так... Проживешь там пять лет, а здесь только год пройдет.

— Здорово... — сказал Виктор неуверенно.

Дальнейшие опыты показали, что время за порталом то замедлялось до соотношения «год за три», то снова ускорялось до показателя «год за пять».

— Слу-ушай... — затянул Тимофеев. — А как же мы тогда с ним пересечемся? Мишка, считай, пропал больше недели назад. Так?

— Ну.

— Считаем. «Дедус»... э-э... Пал Иваныч видел самого себя за три дня до Мишкиного ухода, значит, девятого мая. Так? А там было двадцать седьмое июля. Через три дня Мишка перешел *туда*, где прошло пятнадцать дней! Ну, или девять. Так с того времени прошло еще сколько, и мы выйдем то ли в конце сентября, то ли в октябре!

— Ты уверен?

— Да фиг его знает...

— Ладно, Вика, уйдем как можно скорее. Завтра.

Сказал, как в воду сиганул. Даже холодно стало.

Так, а сколько еще тянуть можно? И зачем?

Ты же сам не так давно убеждал Вику, что все решил для себя? Хотя... Вот, в том-то и дело.

Это как Колумбу решиться плыть в Индию.

Все, решение принято, король дал «добро», а как отплывать, так сразу дрожь в коленках. Понимает вдруг Христофор, что его желание, еще недавно бывшее мечтой, исполняется, остается только взойти на палубу каравеллы и отдать швартовы.

А что будет потом?

Бесконечный океан, морские чудовища? Конец света?

Ведь там, куда ты собрался, никто еще не бывал!

И Христофор мужественным голосом приказывает себе: вперед!

«Вперед!» — приказал себе Марлен...

* * *

...Ждали до самого вечера, проголодались. Продуктов с собой они взяли денька на два-

три. Пришлось доставать запасы из рюкзаков-«сидоров» — сделали по большому бутерброду с ветчиной...

И тут, как назло, портал открылся.

— Бегом! — подхватился Исаев.

Налегке, уже в форме (темно, никто не видит), с бутербродом в руке, он нырнул в светлый проем — в сорок первом был день. Оглянулся. Тимофеев, зажав бутерброд в зубах, встал на четвереньки и быстро перебежал в прошлое.

С этой стороны портал выглядел так же, как и из будущего, только крыша из бревен, нависавшая сверху, была новенькая, и дверь висела, низенькая, сколоченная из толстых досок.

Неожиданно тьма, зиявшая по ту сторону портала, исчезла, и вместо межвременного канала Исаев увидел грубые дощатые полки — непонятную раму тут использовали, как стеной шкаф.

Дожевывая мясо с булкой, Марлен осторожно высунулся из землянки наружу. Было тихо — и смердело трупами.

Вон мертвец в растерзанной красноармейской форме, и вон еще... У самого холма чернел остов сгоревшего грузовика «Опель».

Исаев криво усмехнулся: «Добро пожаловать в сорок первый!»

Глава 5

Первая кровь

Марлен чувствовал себя странно. Он в одно и то же время и хотел тут находиться, и рвался назад. Время...

В том-то и дело, что оно не было одним и тем же — за теми полками, что разгородили непонятную железяку, шло будущее, а здесь, вокруг него, тикало прошлое. И железяка ли это?

Вздохнув, Исаев подавил в себе малодушие и прошелся по поляне. Он искал оружие.

Это простое, хотя и непривычное занятие успокаивало, отвлекало от того, что произошло. Они ушли из мира XXI века, из своего настоящего, которое ныне будущее для них.

А истинное «сегодня» — вот оно, вокруг.

Лето 1941-го. СССР. С ума сойти...

Подобрав винтовку со штыком, Марлен обрадовался сперва, но быстро разочаровался. Мало того что приклад треснул, пробитый пулей, так еще и патронов — йок. Ну, хоть штык...

Пуля, она ж дура.

— На, держи, — сказал Исаев, протягивая «ППШ» Виктору, — тебе нужнее.

Тимофеев бережно взял автомат, взвесил его в руке.

— Тяжеленький...

— Сам ты тяжеленький! Шесть кэгэ. Немецкий «шмайссер» весит почти столько же, когда не заряжен, а тут патронов в два раза больше, чем у «МП-40». Чуешь?

— Чую. Мне реконы фотки старые показывали, так там эсэсовцы с нашими «ППШ» позировали! Представляешь?

— Заценили, значит...

— Слушай, на тогда. — Витька вытащил «наган» и протянул Марлену.

— Ага...

Исаев сунул револьвер за пояс.

Вдалеке глухо загремела канонада.

— Слышишь? — негромко спросил Исаев.

— Война! — шепотом сказал Тимофеев.

Марлен поглядел на него. Вибрирует... А он сам?

Исаев подумал и честно признался себе: страшно. Здесь ведь и убить могут...

Словно перебарывая в себе боязнь, он резко сказал:

— Пошли!

И они пошли. На восток, к линии фронта. Оставив Стодолище в стороне, Марлен зашагал в направлении Лысовки и Старинки — куда выйдут, туда и выйдут.

На экране планшета все было понятно, кроме направлений движения немецких и советских частей — синие и красные стрелочки сплетались и расплетались весьма замысловато.

— Гудит что-то... — неуверенно сказал Виктор.

Исаев прислушался — и бегом кинулся под укрытие деревьев.

— Сюда! Живо!

Прижавшись к раскидистому дубу, Марлен выглянул, замечая в небе силуэт двухмоторного самолета. Он громко гудел, перелопачивая воздух лопастями двух винтов, на киле у него корячилась свастика, а по крыльям пластались черные кресты.

Сердце у Исаева застучало громче.

— Немцы! — пискнул Тимофеев.

— Это, по-моему, «Юнкерс». Бомбовоз.

Из-за леса показались еще три «Юнкерса-88». Их сопровождали четыре или пять самолетов поменьше, но и пошустрей. Это были «Мессершмитты».

— Вот тебе и весь сказ... — пробормотал Виктор.

— Пошли.

Винтовка без патронов уверенности не придавала. Напротив, адреналин так и брызгал в кровь, гоня по телу, напрягая мышцы.

Даже «наган», давивший на живот, спокойствия не прибавлял.

Марлен глядел во все глаза, высматривая противника.

Мозг пока отказывался считать окружающее реальностью, сознание отчаянно цеплялось за возможность игры, розыгрыша, киносъебок. Да и, честно говоря, Исаев одинаково боялся встречи как с немцами, так и с красноармейцами.

Как они его встретят? А кто знает? И кто тут опасней — свои или чужие? Немцы — однозначно не наши, а рядовые и офицеры Красной Армии — свои? А почему? Потому что говорят по-русски?

Нет, Марлен все понимал, но есть большая разница между тем, что ты обдумываешь, представляешь, и тем, что существует на самом деле. Иной раз воображаешь себе невесть что, воспринимаешь незнакомого тебе, но знаменитого человека реальной звездой, а знакомишься — и испытываешь разочарование.

Оказывается, «мегазвезда» — обыкновеннейшая особь, довольно-таки пустая и мелочная, вся слава которой зависит от частого телепоказа. Примелькалось лицо, вот и стало известным, узнаваемым. А заглянешь этой знаменитости в глаза, которые, как известно, «зеркало души», а там отражается пустота.

1941-й вокруг, и люди другие, совсем другие, тебе незнакомые. Даже старые деды — там, в двадцать первом веке, забыли уже, какими они были в ранней молодости, изменились за семьдесят с лишним лет, приспособились к иной действительности.

А тут надо по-настоящему погрузиться в тутошний мир, в общество, понять его и принять, стать своим.

Или он попусту себя пугает, и на самом деле все не так уж и страшно, и «первый контакт с иной цивилизацией» произойдет спокойно и без напряжения?

Узнаем во благовремени... (Та еще фразочка, особенно на выходе из межвременного туннеля!)

По лесу Исаев с Тимофеевым топали с оглядкой, вот только заросли тут не тянулись сплошняком, и поля с лугами приходилось перебегать. На пути попадались сторевшие танки, немецкие и советские. В одном месте землю пропахал сбитый самолет, в другом обнаружили окопы, полузасыпанные — поперек траншей вели следы гусениц танков.

Когда показалась деревня, то обнаружился перекресток, где торчал столб с указателем — белой досочкой, на которой были выведены черные буквы — готическим шрифтом. Starinka.

Позже Марлен плоховато понимал, зачем он полез в Старинку, коли она была занята

немцами. То ли порывкакой был, то ли, как отец говаривал, «моча в голову стукнула», а только Исаев стал красться, пробираясь в деревню огородами, прячась за сараями и прочими коровниками. Тимофеев шагал сзади, шумно дыша.

А Марлен осторожно ступал впереди, сжимая свою винтовку без патронов.

Сбоку виднелась покосившаяся изба-пятистенки, все три окна были закрыты ставнями, да и разросшиеся яблоньки-дички загораживали возможный просмотр. Впереди стояли два больших сарая из серой битой дождем доски, и было похоже, что между ними имелся проход. По крайней мере, тропа туда вела.

По заросшему травой огороду Исаев пробежался, едва ли не на пуанты вставая, а потом под стенку хозпостройки, и бочком, бочком...

Немец появился совершенно неожиданно. Ни звука шагов, ни голоса, ничего не было слышно, когда Исаев приближался к углу сарая. И тут вышел фриц.

Это был офицер, потому как носил на голове не пилотку, а фуражку. На погонах у него было по одной ромбической звездочке^[2], на плече болтался «шмайссер». Немец шел спокойно, по-хозяйски.

Марлен, совершенно не думая, изо всех сил ткнул его штыком в грудь. До этого он никогда в руках не держал винтовки, даже в армии, и в жизни не выполнял старую команду «Коли!», но удар оказался точен — граненый штык пронизал тевтонское сердце. Немец как шел, так и упал, утягивая винтовку, и «попаданец» тут же бросил ее.

Исаева чуть не стошнило, но страх пересилил — он присел и стал срывать с трупа автомат.

— Ты его убил! — громко прошептал Тимофеев.

Марлену в этот момент больше всего захотелось выматериться, но он сдержался. Расстегнув на немце пояс с кобурой, он выдернул его, зверея, из-под мертвого тела и сунул Виктору.

— Держи!

— Ой, спасибо...

— Ой, пожалуйста.

В это время где-то за сараем, за забором зазвучала громкая немецкая речь. Марлен вскочил и бросился бежать.

Он остановился лишь в зарослях за перекрестком, обнаружив рядом бурно дышавшего Витьку.

— А чего мы... обратно? — спросил Тимофеев, отпыхиваясь.

Исаеву стало стыдно — все его навыки и «солидный» опыт десантника смыло, как бумажку в унитаз, едва только подступила реальная война. Марлену отказал и ум, и вообще всякая сознательная деятельность, а эмоции выдали одну команду: «Бегом марш!»

Но не признаваться же в трусости?

— А ты слышишь, где бой идет? — заговорил Исаев с напором. — На западе! Наверное, там наши, в окружение попали. Пойдем к ним. Лучше всей толпой к линии фронта идти, чем в одиночку.

Выкрутился...

— Правильно! — одобрил Вика.

Тут из деревни донеслись крики, раздались выстрелы.

— Бежим!

И друзья почесали обратно, забирая в сторону. Бежали через луг, бежали лесом и со всей

прыги выскочили на грунтовку, петлявшую между деревьев. Марлен так громко дышал, так бухало его сердце, что он не разобрал даже лязга гусениц и рева дизеля.

Танк «Т-34» показался сразу и весь. Качнувшись, он остановился в каких-то метрах от замеревшего Исаева. Кладнул передний люк, и из машинного нутра выглянул потный механик-водитель.

— Тебе что, повылазило? — заорал он.

Тут же открылся люк на башне, и показался офицер в фуражке.

— Красноармеец! — властно окликнул он. — Ко мне!

Исаев тут же подбежал, глянул снизу вверх — и узнал офицера. Это был тот самый мужик с фотографии. Качалов.

— Товарищ генерал-лейтенант! — крикнул Марлен. — В Старинке немцы! Вот!

В доказательство своих слов он показал «шмайссер».

Качалов усмехнулся.

— Немцы тебе сами его дали?

— Да не-е, я их офицера... того... штыком. Патроны кончились.

— Окруженец?

— Так точно... то есть да!^[3]

— Залезай на броню!

— А нас двое!

— Вот вдвоем и залезайте.

Марлен живо залез на танк, радуясь хоть какой-то безопасности. Танк все-таки!

Тимофеев вскарабкался следом.

— Ух, здорово!

— Ты держись.

«Тридцатьчетверка» дернулась и покатила, переваливаясь на ухабах, а Исаев ощутил вдруг чувство некоей причастности ко всему — к этому танку, к лесу, к земле вокруг, к стране, которую в его окружении стеснялись звать родиной, к тем людям, что не стыдились любви к отчизне и бились с врагом. А он — с ними! Он — один из них, и только что убил немца...

«А я его сюда не звал!»

Танк между тем, одолев лесную дорогу, выехал к командному пункту на опушке леса. Дальше стелилось поле, по нему шли танки — наши, «Т-34» и тяжелые «КВ», — а по ним вела огонь немецкая артиллерия. Взрывы так и бухали, выбрасывая тонны земли, мешая пыль с клубами дыма. Три или четыре танка горели, но и на стороне противника тоже коптило чадом.

Качалов покинул «тридцатьчетверку», и к нему тут же подскочил местный краском — красный командир. Понятие «офицер» пока что было не в ходу.

— Командир 207-го танкового полка Агафонов! — отрекомендовался он.

— Вольно, Агафонов, — отмахнулся командарм. — Что, никак?

— Бьемся, товарищ генерал-лейтенант!

— Я вижу... Бурков где?

— Здесь, товарищ генерал-лейтенант!

— Зови его.

— Есть!

Агафонов послал за командиром дивизии, и полковник Бурков не заставил себя ждать.

— Докладывай, Василий Герасимович, — устало сказал Качалов.

— Немцы подогнали крупные силы, Владимир Яковлевич, — нахмурился комдив. — Наши танки идут одни, без пехоты, поэтому в восточном направлении не прорвались. Маневрируем, но против нас ведется очень сильный артиллерийский и минометный огонь, нам не дают продвинуться вперед...

Словно подтверждая его слова, просвистела мина, рванув очень близко от КП. Когда звон в ушах утих, Марлен расслышал крик:

— Агафонова убило!

Выругавшись, генерал-лейтенант сказал:

— Значит, так. Стодолище переполнено подразделениями 145-й и 149-й стрелковых дивизий. Будем их выводить колонной, ее поведет мой начштаба^[4]. А ты, Василий Герасимович, отводи танки.

— Слушаюсь.

— Будем прорываться южнее, пойдем вдоль шоссе Рославль — Москва.

— Понял, Владимир Яковлевич. Сделаем!

— Давай...

Оглянувшись, Качалов заметил Исаева с другом.

— Ну, что, герой? — усмехнулся он. — Садись, подвезу. Из пехоты же?

— Да!

— Залезайте...

Вскоре танк заревел и покатил по знакомой дороге, свернул и двинулся к Стодолищу.

Никто не готовил «тридцатьчетверки» к тому, чтобы на танковой броне разъезжала пехота, поэтому никаких скоб и прочих приспособ не было. За что ухватился, за то и держись.

Марлен пристроился за башней, примерно посередке, опираясь на три точки. Не слетит.

Танк шел лесом, и пули с передовой почти не долетали. Так только, посвистывали в вышине, сбивая шишки и хвою.

А Исаев подумал, что самый подготовленный десантник — это тот, который получил «обкатку» в бою. В Афгане или в Чечне.

Впрочем, нынче он — «царица полей», пехота. Та самая, что месила грязь от Сталинграда до Берлина. А дал бы приказ товарищ Сталин, и до Ла-Манша дошла бы, чтобы воспитать в «союзничках» скромность и смирение.

— Как ты? — громко спросил Исаев.

— Во! — показал большой палец Тимофеев.

Глава 6

Боевое крещение

В то время Стодолище числилось райцентром. Наполовину разрушенный поселок был почти покинут мирными жителями, зато переполнен военными. Впрочем, и «вежливых людей» осталось мало — 145-я стрелковая дивизия сильно поредела.

С июля 145-я вела тяжелые наступательные бои. Сначала выполняя задачу овладеть Малыми Хисловичами, потом прорываясь западнее Старинки.

Ныне остатками дивизии командовал генерал-майор Вольхин.

Качалов окликнул его, как только вылез из танка.

— Александр Алексеевич! Пополнение тебе привез!

Измученный недосыпом Вольхин скупой улыбнулся при виде двух заробевших рядовых. Усталый, но держится — гладко выбрит, на груди — орден Красного Знамени.

— Ну, хоть что-то... — хмыкнул он невесело. — Дрёмов!

Подбежал молодой подполковник без фуражки — его голова была обмотана окровавленным бинтом.

— Командир 729-го стрелкового полка Дрёмов! — отчеканил он, завидев командующего армией.

— Не тянись, — махнул рукой Качалов. — Забирай этих и готовься. Вот что, Александр Алексеевич, попробуем-ка мы объегорить немцев — перейдем Остёр у шоссе. Знаю, что у тебя мало людей, да что ж делать-то... Война! Сделаем так — пускай 149-я выступает потихоньку, а твои прикроют отход. Гаубичный полк тоже отведем, и артиллеристы прикроют вас.

— Все понял, Владимир Яковлевич, — серьезно сказал Вольхин. — Сделаем.

— Ну, давай...

Дрёмов поманил Марлена к себе, замечая у того «шмайссер».

— Трофей?

— Ага! Добыли в Старинке.

— Молодцы. Звать как?

— Марлен Исаев!

— Виктор Тимофеев!

Комполка кивнул. Похоже, что он просто отдыхал, пока вел беседу с бойцами.

— Служить будете в 1-м батальоне старшего лейтенанта Агафонова, во взводе младшего лейтенанта Лапина. Якушев! Ты к своим?

— Да, товарищ командир! — откликнулся кряжистый красноармеец. — Приказано патроны доставить.

— Вот тебе в подмогу, будут в вашем взводе.

Якушев глянул на «мажоров» и махнул рукой.

— Пошли!

Подхватив два ящика патронов, трое рядовых направились к окопам. Под защитой холма они поспешали в полный рост, затем, сильно пригнувшись, а потом и вовсе ползком, не поднимая головы — пули так и свистели.

Марлен полз по траве, присматривая за Витькой, и мало о чем думал. Трудное это дело

— думать, когда пластаешься по горячей земле, в тебя стреляют, а ты еще тяжелый ящик пихаешь перед собой.

Неожиданно оказавшись рядом с залегшим Якушевым, Исаев спросил:

— Слушай, а какое сегодня число?

— Забыл, что ли? — хмыкнул визави.

— Запутался! — честно признался Марлен. — Пока от Смоленска шли, все в голове перемешалось.

— А, ну да. За неделю-то! Четвертое с утра.

Марлен обернулся, ловя взгляд расширенных глаз Тимофеева. Опять время шутить вздумало? Нет, это, конечно, хорошо, что август на дворе, а не октябрь. Тепло по крайней мере. Жарко даже.

И ничего непонятно...

— За мной! — скомандовал Якушев.

Согнувшись в три погибели, все трое кинулись по промоине, обегая позицию 45-миллиметровых пушек, и спустились в траншею.

Навстречу им, пригибая голову и придерживая рукой пилотку, двигался младлей, о чем свидетельствовал один «кубарь» в петлицах.

— Притащили? Норма-ально! А это кто?

— Товарищ подполковник к нам направил.

— Норма-ально! «МП-40»? Ладно, держи при себе. Марьин! Выдашь новеньким по карабину!

— Есть!

— И лопатки! Углубляться надо. Закапываемся, мужики, закапываемся!

— Во-оздух!

— А-а, едрить твою налево! «Лаптежники»!

В небе нарисовались немецкие самолеты с какими-то кривыми крыльями, не доломленными будто, а шасси у них не убиралось вовсе, зато на колесах висели смешные обтекатели, и впрямь чем-то на лапти похожие. Или на галоши.

«Юнкерсы-87» стали по очереди заваливаться на крыло и понеслись к земле, пикируя. Чем ниже они спускались, тем пронзительней, надрывней звучали сирены, выматывая душу.

Лишь бы задавить панику, Марлен крикнул:

— А зенитки где?

— А нету! — ответил младший лейтенант. — Ложись!

«Юнкерсы» сбросили бомбы и вывернули обратно, набирая высоту. Земля тяжело подпрыгнула под Исаевым, и тут же дошел тугой удар взрыва. Сверху посыпались катышки земли.

И еще раз, и еще, и еще... Дым, пыль и вонь взрывчатки повисли, почти не сгоняемые слабым ветерком.

А если бомба угодит прямо в окоп?..

— Копаем, копаем!

Марлен ухватился за протянутую лопатку и стал копать. Грунт был песчаным, брался легко, но непривычная работа быстро утомила — руки отнимались, спину ломило. А ты копай да отбрасывай на бруствер.

— Не могу больше... — выдохнул Тимофеев.

— Не можешь — заставим... — прокричал Исаев. — Копай, копай! Ты не на дядю

работаете. Чем глубже уйдем, тем целее будем!

Словно иллюстрируя его слова, прилетела короткая очередь из пулемета, выбившая пыльные фонтанчики из бруствера.

— Приключение зато, — кричал Марлен, поддевая пласт сухой глины. — Настоящее...

— Да пошел ты...

— Куда? — невесело усмехнулся Исаев. — Если в задницу, то мы уже там. В самом анусе!

Прибежал Марьин и протянул каждому по карабину и подсумку.

— Держите!

Исаев с удовольствием отложил лопатку и принял оружие — 7,62-мм карабин образца 38-го года. В принципе та же трехлинейка Мосина, только укороченная.

— Сейчас пойдут!

— Кто? — не понял Виктор.

— Немцы, кто ж еще...

Марлен проделал выемку на бруствере, и впервые в жизни глянул в сторону противника вот так, совмещая прицел с мушкой.

Вдали появились серые коробочки танков. Между бронемашинами шагала пехота.

Забухали сорокапятки, заухали мины и снаряды, заготовали пулеметы. Немцы падали, но продолжали переть. Танки то и дело напускали дыму, открывая пальбу, но целились не по окопам, а по орудиям.

— «Т-П», — со знанием дела сказал Лапин, выглядывая в сторону немцев. — Мужики, готовимся!

— Всегда готовы, товарищ командир!

А Исаев сглотнул всухую, когда увидел немецкий танк прямо перед собою — стальная машина катилась на него. Сейчас раздавит, сомнет...

Марлен бросился на землю, и танк с грохотом и лязгом переехал траншею. Исаев приподнял голову и увидел Якушева, губы которого кривила злорадная усмешка.

Боец качал в руке бутылку с КС^[5]. Привстав, он как следует размахнулся и швырнул «зажигалку» — та разбилась там, где надо. Чадное пламя фухнуло, растекаясь по броне «двойки», стекая к мотору.

— Макеев!

— Щас...

Широкоплечий Макеев подхватил противотанковую гранату и швырнул ее под гусеницу соседнему танку. Грохнуло.

Перебитая «гусянка» размоталась, и «двойка» замерла, погружаясь катками в землю. Башня стала разворачиваться, но сразу две бутылки с зажигательной смесью разбились о броню.

Немецкие танкисты полезли из танка, и тут уж Исаев не сплеховал — срезал двоих из «шмайссера». Остальных добила Иванов с Макеевым.

Марлен с удивлением прислушался к себе.

Не тошнит? Ни капельки. Наоборот, где-то в глубинах души копилась, набухла тяжкая злоба. Раздавить гадину! Убить немца! Они — враги.

— Отходят! — раздался крик.

Исаев выглянул на секундочку — и впрямь, немецкие танки пятились. Не разворачивались кормой, где броня была похлипче, а давали задний ход и отходили,

продолжая постреливать.

Но лучше не стало — зачастила немецкая артиллерия. Пушки били по площадям, но иногда снаряды разрывались прямо в окопах.

Однако больше всего доставала авиация — над позициями красноармейцев постоянно кружили тридцать — тридцать пять самолетов. И ни одной зенитки!

Бойцы выходили из себя, палили по «мессерам» из винтовок и «дегтяревых». Немецких пилотов это пугало, они уворачивались, но ни одного самолета пули не сбили.

Минул и обед, и ужин. Хорошо хоть вода была — едва прохладная, она показалась Марлену ледяной.

Он изнемогал, от жары все плыло, пыль скрипела на зубах, ствол карабина раскалился от солнца и порохового огня. Поэтому далеко не сразу Исаев заметил, что бой начал стихать.

Немцы все еще постреливали из минометов, но вот они и эту затею оставили — солнце село, опустилась темнота.

Марлен возмечтал о пище телесной, о любой, об отдыхе — хотелось очень малого, просто сесть на землю и прислониться спиной к сыпучей стенке траншеи.

Как бы не так!

Едва за лесом заговорили советские гаубицы и на стороне немцев стали рваться снаряды, младший лейтенант поднял весь свой взвод, построил и погнал строевым шагом. На восток.

Исаев поднялся с трудом, делая невероятное усилие. Повесил автомат на шею, карабин закинул на плечо и вперед.

Надо же... Всего один день он провел на войне, а уже столько впечатлений. Столько смертей...

И твоя собственная гибель рядышком ходила, но миновала. Пока.

Медленно, но верно «попаданцы» познавали суть большой войны. Это не подвиги, не смелые атаки и не победы.

Это постоянный труд — тяжелый, опасный, грязный.

Без сна и отдыха, без выходных и праздников.

Исаев поправил карабин на плече. Тяжелый, зараза...

Тимофеев шкандыбал рядом.

— По-моему, я ногу натер, — пожаловался он. — Это все из-за твоих дурацких портянок! Кто бы нас проверял? Взял бы нормальные носки...

— Портянки — лучше, — убежденно сказал Марлен. — Ты свои носки протер бы давно.

— А так — натер!

— Заматывать надо было не как попало! Я ж тебе показывал.

Из потемок неожиданно показался Якушев.

— Городской? — спросил он снисходительно.

— Москвич, — буркнул Виктор.

— Оно и видно. Снимай!

Радуюсь, что можно присесть хоть на минутку, Тимофеев сел в траву и быстро стащил сапоги.

— Ничего страшного, — поставил диагноз Якушев и быстро, ловко намотал портянки. — Понял?

— Если я скажу, что да, — вздохнул Тимофеев, — ты поверишь?

Красноармеец рассмеялся и встал.

— Пошли, а то отстанем от своих! А ты ноги береги. Меня батя всегда учил, когда на охоту ходили, чтоб не шлялся, как попало. Это ж сколько верст отмотать надобно, чтобы зверя добыть! А ежели охромеешь, можешь и сам не вернуться.

Взошла луна, в ее сиянии сыпались отблески, бликовали штыки и стволы. Умноженный топот тысяч ног разносился далеко, но враг остался позади.

Намаявшись за день, остатки 145-й дивизии, влившиеся в 149-ю, шагали без особой бодрости, но споро — они шли к своим, выходили из окружения, а это подталкивало — скорей, скорей!

Чем быстрее они одолеют пространство лесов и полей, тем вернее опередят немцев. И вырвутся из сжимавшегося кольца!

Не волки, чай, прорвут флажки, не испугаются.

В темноте вышли к броду на реке Остёр.

Марлен решительно стащил с себя и сапоги, и штаны вместе с исподним. Сверкая голой задницей (луна была яркая), он прошлепал по топкому берегу и ступил в удивительно теплую воду.

Это было неопишное блаженство — ступать натруженными ногами по илистому дну, чувствовать, как ил продавливается между пальцев, а вода омывает ногу, словно снимая усталость и боль.

На другом берегу Исаев заметил, что Вика поступил так же. Теперь, по крайней мере, в сапогах не будет хлюпать. Топает себе в сухом — и ноги помыл!

— Перед сном я всегда ванну принимал, — вздохнул Тимофеев. — Ну, не всегда, конечно, но чаще всего...

— Считай, что это были водные процедуры! — хмыкнул Исаев, поправляя ремень. — Ну, как? Стрелял из «ППШ»?

— Стрелял... Думал еще, за что там держаться? Ничего, приспособился — за диск хватался. А если лежа, то за цевье...

Тут из темноты вынырнул Якушев, неся в тряпице полбуханки хлеба и большую банку тушенки.

— Раздали по банке на троих, — сказал он, присаживаясь, — больше нету!

— Ну, вот! — Марлен хлопнул Виктора по плечу. — Вот и ужин. Живем!

Устроившись на поваленном дереве, Исаев с удовольствием жевал вкуснейшее мясо с вкуснейшим хлебом, познавая простые радости военной жизни. Они такие же, какие и в пещерах были, — поесть да поспать.

Дождь идет, а ты сухой, в укрытии? Радость.

«На улице» метет, а ты в землянке у печки? Радость.

В атаку ходил, пули свистели, но даже не царапнули? Радость.

А потом — Победа! И будет всем счастье...

Глава 7

Два плюс один

Шли всю короткую августовскую ночь. Перед самым рассветом сделали привал минут на десять — попить да отлить.

Исаев побоялся ложиться в траву — уснет сразу. Присел только на поваленное дерево, стащил сапоги. Касаться росистой травы босыми ступнями было приятно — и полезно, снимало усталость.

Тимофеев рухнул рядом, ссутулился.

— Никогда... так много... — хрипло выговорил он. — Не ходил.

Марлен хмыкнул только, изображая сочувствие. Говорить ему не хотелось — тут каждая минута дорога, надо успеть дать отдых натруженным мышцам.

— И долго нам еще топать? — поинтересовался Виктор.

Исаев правильно понял его вопрос и то, недосказанное, что не прозвучало, но подразумевалось, однако решил отделаться шуткой.

— Годика четыре еще — и домой!

Однако Тимофеев не принял его тон, разозлился даже.

— Ты что, реально собираешься тут воевать? Всю Вторую мировую?

— Ну, во-первых, не Вторую мировую, а Великую Отечественную, — сдержанно ответил Исаев, — а во-вторых, никто тебя сюда насильно не тащил, сам вызвался.

— Да, сам! Мы для чего сюда полезли? Чтобы найти этого чертова Михаила и вместе вернуться! А мы то куда-то наступаем, то отступаем...

— А как ты представляешь себе поиск Краюхина? Скорее всего, он где-то здесь, марширует вместе с нами. И что? Ты знаешь, сколько человек вывел Качалов? Тринадцать тысяч! Легко это, по-твоему, отыскать одного в такой толпе? Вот выйдем к своим, тогда посмотрим. 28-ю армию должны отправить в резерв Ставки Верховного главнокомандования, тогда будет полегче. Порасспрашиваем, кого надо, тех же штабных писарей. Найдем...

— А обратно как? — сумрачно спросил Тимофеев.

— Не знаю, — честно признался Исаев. — Портал-то в немецком тылу! Нам просто повезло, что мы на фрицев не наткнулись, а теперь аж два армейских корпуса вермахта пошли на соединение. Наши-то из кольца вырвались... Наши! — хмыкнул он. — Мы и вырвались...

Виктор вздохнул и понурился. И тут началось движение, долетели команды. Марлен тоже вздохнул и обулся.

— Вперед, и с песней, однополчанин!

* * *

Пятого августа было ясно и тепло. Окруженцы шагали в тени — деревья защищали и от солнца, и от глазастых пилотов люфтваффе.

Утром танки вышли к переправе через Десну, с ходу захватив мост. Уставшая пехота

смяла немцев в охранении, ринулась на восточный берег реки да так и пошла вдоль шоссе Рославль — Москва.

Исаев уже не шагал, а механически переставлял ноги, тупо придерживаясь общего направления, как птица в стае. Тимофеев плелся сзади.

Когда солнце стало припекать, мимо на «тридцатьчетверке» проехал генерал Качалов. Марлен проводил его безразличным взглядом и остановился. Ему в спину уткнулся Виктор.

— Ты чего? — буркнул тот.

— Ты видел?

— Кого?

— Качалова!

— Ну.

— Что — ну? Он же вчера должен был погибнуть! Сегодня же пятое!

— А-а... — равнодушно протянул Тимофеев.

— Не отставать! — прикрикнул на них Лапин. — Скоро привал.

«Мажоры» поплелись дальше.

— Это что же получается? — бормотал Исаев. — Мы его спасли, что ли?

— Не придумывай, — буркнул Виктор.

— Да я не придумываю! Помнишь, когда он нас подобрал?

— Ну, помню...

— Ну, вот! Он тогда поехал сначала к мотострелкам, а потом к танкистам — точь-в-точь, как было бы без нас. Только мы его задержали на пять минут — и все! Тот снаряд, который должен был генерала убить, ему не достался!

— Здорово... — уныло сказал Тимофеев.

Впрочем, когда скомандовали привал, Витька сразу подобрел и перестал изображать страдальца и великомученика.

А потом и обед поспел. Тушенки мало осталось, и повара ее всю добавили в кашу. Вкусно получилось.

Быстро словав свои порции, «мажоры» завалились спать...

* * *

... — Подъем, бойцы!

Исаев не то чтобы проснулся, а начал медленно выплывать из сна, постепенно принаравливаясь к яви. Еще не открывая глаз, он вспомнил, где находится, ощущая холодок — и какой-то намек на привыкание.

Проспали они часа два, вряд ли больше, но долго валяться нельзя было — по их следам наступали немецкие танки. Но все равно сон здорово освежил молодые организмы, хоть и шатались они, эти организмы, не принимая такой мучительно краткий отдых.

Пошлепав босиком по воде близкого ручейка, Марлен вытер ноги запасными портянками, обулся, затянул расслабленный ремень и нахлобучил на голову пилотку. А когда омыл лицо холодной водой, то почти что пришел в себя. Проснулся, по крайней мере.

— Возду-ух!

Исаев мигом сориентировался, толкнув Тимофеева в сторону глубокой борозды — хоть какое-то укрытие. Оба бросились в борозду, а сверху уже накатывал гул авиамоторов.

«Ю-88».

Шли они низко, метрах в четырехстах от земли.

Гулкие взрывы бомб больно били по ушам — сверкнет огненный столб, вздыбится сноп земли, а осколки во все стороны брызжут раскаленным исковерканным металлом, срезая ветки, впиваясь в деревья или в человеческие тела.

И вдруг между Марленом и Викторой с каким-то воющим свистом врезалась, вспучив песок, бомба. И не разорвалась!

Переглянувшись, Исаев с Тимофеевым вскочили, будто кто их пружиной подбросил, и скатились в дымившуюся воронку.

— Она не взорвалась... — бормотал Виктор.

Он выглядел бледным, руки тряслись. У Марлены у самого руки дрожали, а веко дергало тиком.

На краю воронки, стоя на карачках, замер Марьян.

— Фартовые вы! — выдохнул он, круглыми глазами поглядывая на лоснившийся бок бомбы.

Неподалеку из кустов выполз пожилой грузин, все его звали Ваню, а он почти не говорил по-русски.

Поглядев на Марлену, он поцокал языком, поднялся на колени и стал повествовать:

— Лэйтенант, вперед! Нэту. Лэйтенант, вперед! Вашу мать... Нэту...

Рядом оказался хмурый Якушев.

— Убило ихнего лейтенанта.

— Лебедева? — вскинул голову Марьян.

— Его. Сперва осколком ногу оторвало, все быстренько за санитаром, и тут — ба-бах! Голову — вжик! — и нету...

— Нэту... — завздыхал Ваню. — Нэту...

— Если б она рванула, — пробормотал Тимофеев, — от нас вообще бы ничего не осталось...

— Да уж... Пошли, Витька, пора.

И снова в поход, и снова — «шагом марш!»

Долго ли, коротко ли, но дошли до сборного пункта. Тимофеев сразу спать завалился, а Исаев выдержал характер, сходил-таки в палаточную баню, отмылся, натянул новое исподнее и гимнастерку. Шаровар новых не нашлось, как и сапог, но это было не критично.

И Марлен составил компанию Виктору.

* * *

Опергруппа генерала Качалова расположилась и в самой деревне Амур, и за околицей, в палатках и землянках. Вот в такую-то землянку, с нарами в два яруса, и заселились «мажоры».

Первые два дня все только отсыпались да отъедались, хотя особых разносолов на фронте не предлагали. Но когда Марлен выхлебал миску борща, то сразу понял — ничего вкуснее он в жизни не едал.

Исаев, знакомясь с историей 28-й армии, помнил, что ее начали расформировывать 10 августа. Однако уже и 15-е минуло, и 16-е.

Не стали армию расформировывать — видимо, геройский рейд опергруппы и тот факт, что командующий армией остался жив-здоров, изменили планы Ставки.

28-я вошла в состав Резервного фронта и стала готовиться к Ельнинской операции. Части армии были сильно потрепаны, поэтому ее усилили 316-й стрелковой дивизией под командованием генерал-майора Панфилова^[6].

Якушева, Марьина, Макеева, Тимофеева и Исаева приписали к этой самой дивизии, к 9-й роте 3-го батальона 1073-го стрелкового полка.

Полк набирали в основном во Фрунзе и Алма-Ате, но среди казахов и киргизов было много русских — интернационал.

Взводом, куда попали Марлен с Викой, командовал лейтенант Абанин — небольшого роста, но кряжистый, он казался квадратным.

Туда же, под командование Абанина, явился нести службу красноармеец Краюхин.

Глава 8

Три минус один

Тимофеев с Исаевым переглянулись: нашли!

Минут двадцать они изнывали, терпя построение, но вот лейтенант махнул рукой — «Вольно! Разойдись!» — и Марлен с Виктором приблизились к Краюхину.

— Здоров, пропажа! — ухмыльнулся Исаев.

Михаил подозрительно нахмурился.

— Не понял... — затянул он.

— Всё ты понял! Я деду твоему обещал помочь, потому и сунулся за тобой в прошлое.

— Так вы... — Михаил побледнел.

— Из будущего! — кивнул Виктор, сияя.

Наконец-то! Наконец-то кончается его затянувшееся приключение! Слишком грязно оказалось на войне, слишком страшно. Когда рядом с ним хлопнулась эта дурацкая бомба, Вика заледенел.

Говорят, в такие моменты вся жизнь проносится перед тобой, но только не перед ним. Он вообще ни о чем не думал, пустота была в голове и звон. И холод взаправду могильный.

Даже будто бы запахом сырой земли повеяло. Ну, это-то понятно — чугунная тушка авиабомбы здорово почву взрыхлила. Но ему тогда иные ассоциации приходили — гробные.

— Как дед? — вымученно улыбнулся Краюхин.

— А ты как думаешь? — сердито спросил Марлен. — Переживает старый, все себя винит, родителям твоим не звонит даже. Помрет если, это будет на твоей совести!

Михаил сморщился.

— Да понимаю я все! — сказал он страдальческим голосом. — Просто тут так закрутилось все, запуталось...

— Подожди... А ты когда сюда вышел? Двадцать седьмого июля?

— Да какое там... Пятого августа!

— Пятого?! — поразился Исаев. — Подожди... Как — пятого? Мы же вон с Витькой четвертого здесь оказались! А вышли через две недели позже твоего!

— Ну, не знаю... — развел руками Михаил.

— Время! — со вкусом произнес Тимофеев, жмурясь. — Вот тебе и весь сказ...

— Да уж... — с долей растерянности протянул Марлен. — Так чего ж ты сразу обратно не ушел? Раз деда не застал?

— А-а... — скривился Краюхин. — Сначала из-за Игоря. Я ж не один сюда попал, а с другом. Игорь Судат его зовут. Звали... В первый же день Игорька — наповал. Вот как тут быть? Он же друг! И погиб. Как я, думаю, матери его в глаза посмотрю? Скажу ей что? Ну, не правду же! А как тогда? Вернуться, чтобы тут же уехать подальше и никого долго не видеть? Так полиция найдет и ласково так спросит: «А где друг твой?» И что мне, как Каину — «Я не сторож другу своему»? Паршивые были дни, ох, паршивые... Я и подумал, когда Игоря схоронил: а чего уезжать? Я и так уехал, дальше некуда! Не то чтобы я боялся, просто стыдно было. Да и кого мне бояться? Полиции? А что она мне сделает? Я-то ни при чем, и доказать обратное невозможно. Нет, тут самое поганое было в том вранье, к которому мне все равно пришлось бы прибегать. Скажу: не знаю, мол, где Игорь. Пошел он домой, и больше я его не

видел. Звонил — не отвечает. Все! Записали мои показания, я расписался и пошел. Но мне-то известно, где Игорь! А родители его даже на могилку не сходят... Вот же ж, бли-ин! До сих пор тошно!

— Да уж... Ты поэтому и не вернулся?

— Ну, да... Поначалу-то. А потом догнал наших. Мы отступали не целыми батальонами, а отдельными группками, по десять-двадцать человек. Да что говорить — наши до сих пор еще возвращаются! И тут, понимаешь... Не знаю даже, что сказать! Понимаешь, мы шли вместе, вместе отстреливались, делили хлеб и патроны. Ромка с Урала... Мы с ним как-то сразу подружились. Он погиб, случайно прикрыв меня — сделал шаг вперед, оступился, качнулся, а тут пуля... Если бы Ромка не опередил меня, продолжал бы идти рядом, я бы там лег. А так пришлось мне копать вторую могилу. И теперь... Господи, да что тут понимать? Я не могу их бросить, не могу вот так вот взять и уйти! Они — мои однополчане, и уйти — это значит дезертировать. Мне не страшно будет идти назад, и линию фронта я одолею легко — лес укроет, а в лесу я как дома. Доберусь до туннеля, перейду в свое время... Вот только я не знаю уже, где оно — мое время, там или тут. Понимаешь?

— Понимаю, — серьезно кивнул Марлен. — У самого та же фигня. Знаешь, на что я надеюсь? Время и в 2016-м, и в 1941-м течет в одну сторону, к будущему, но не одинаково — здесь оно проходит быстрее, чем там, я измерял. Так что, вполне вероятно, что, пробыв здесь четыре года, мы вернемся туда и очутимся... ну, скажем, осенью 2017-го. Когда я дойду до Берлина и вернусь, то мой уход уже не будет дезертирством. Это будет дембель!

— Здорово! — залучился Краюхин. — Так и надо!

Тимофеев не сразу понял, о чем они толкуют, а когда до него дошло, Вика ошарашенно посмотрел на обоих.

— Вы чего? Вы чё, чокнулись, что ли? Какой Берлин? Какой дембель? Мы зачем сюда пришли, а? Спасти рядового Краюхина! Вот он, рядовой! А вот там, — Виктор указал в сторону запада, — портал! Ноги в руки, и ходу! Какое, на фиг, дезертирство? Вы не тут родились, это не ваша война, и страна тоже не ваша! Однополчане? Какие однополчане? Да никого из тех, кто вон там ходит, нету в живых, за редчайшим исключением! Все уже было, и война, и победа. Семьдесят лет прошло с сорок пятого! Что вам тут делать, скажите мне? Священный долг отдавать? Кому?! Мертвецам? Советскому Союзу, который развалился ровно двадцать пять лет назад? Вы что такие долбанутые?

Марлен не разозлился. Он молча выслушал друга и негромко сказал:

— Эти люди, которые вон там ходят, живые. И если мы тут задержимся, то хоть кого-то из них прикроем, поможем уберечься от смерти. Вспомни: с нашей подачи остался в живых Качалов. А ты знаешь, что в декабре этого года должен был погибнуть Панфилов? Его-то направляли на Северо-Западный фронт, а тут вдруг Качалов вернулся! И панфиловскую дивизию сняли с поезда, чтобы передать 28-й армии. Так что у командира нашей дивизии есть все шансы пережить этот год. Ты вдумайся только — мы уже, одним лишь фактом своего пребывания здесь, поспособствовали тому, что в живых остались командарм и комдив. А мы тут всего две недели! Я не могу покинуть этих людей, не могу и не хочу. Ну, как я буду чувствовать себя там, где безопасно и полно бабла? Последней сволочью? Полным чмошником? А я не хочу!

— Ты рассуждаешь, как... как совок!

Исаев улыбнулся.

— А я и есть совок и даже горжусь этим. Ну, не вышло из меня достойного

представителя «золотой молодежи»! Ничего, переживу. Совок, Витя, это человек, который обращается к другому со словом «товарищ» и стесняется говорить «господин». Это человек, который способен терпеть, поступаться личным ради общего блага, а если его поставить в строй, он будет стоять насмерть. Я помню, как мы смеялись над «совком», как презирали его. А кто — мы? Либералы? «Креаклы»? «Мажоры»? Да как хочешь назови, а суть одна: они все мещане! Мелкая, я бы даже сказал, мельчайшая, простейшая буржуазия. Да что «совок»? Вы и страну свою «рашкой» зовете!

— Ах, мы? — криво усмехнулся Тимофеев. — То есть ты уже не один из нас?

— Считаю, что я выздоровел, Вика, — серьезно сказал Исаев. — Я очень медленно менял свою шкуру, вылезал из старой, а тут пообтерся за пару дней — и понял все про себя. Поверь, трудности только сейчас пугают. Втянемся!

— Сами втягивайтесь, совки! — процедил Тимофеев, круто развернулся и ушел.

Вика плохо различал, куда идет и зачем, пока не обнаружил себя в расположении того взвода, где он должен служить. Ха!

Никому он ничего не должен!

Ярость просто кипела в нем, но постепенно Тимофеев остыл.

Но не успокоился — холодная решимость наполняла его.

Когда стемнело, он подхватил рюкзачок-«сидор», в котором лежали банка тушенки, булка хлеба на три дня, патроны, повесил его на плечо, закинул за спину «ППШ», а карабин приставил к стене землянки — чего лишнюю тяжесть таскать?

И неторопливо прогулялся до палаточной бани. На виду у всех, не скрываясь, углубился в чашу, быстренько набрал сучьев, хворосту и вернулся, сбросив груз распаренному банщику.

— Ага! — одобрил тот. — Еще парочку охапок, лады?

— Лады!

Мимо бани прошел Панфилов, когда Виктор принес вторую охапку валежника. Добросовестно сходил за третьей, а в четвертую свою ходку Тимофеев бегом углубился в лес, обошел лагерь стороной и зашагал на запад.

К линии фронта. К порталу. Домой.

Глава 9

За линией фронта

Первые километры давались Тимофееву легко, его гнали злость и обида. Правда, он краем сознания следил за собой, за лесом — старался не ломиться, поднимая треск. Виктор помнил карту, которую видел на электронном планшете, — линия фронта проходила параллельно Десне, кое-где подходя к самой реке, но в основном отступая от нее на несколько километров к востоку. Там тянулись окопы, нарытые красноармейцами, стояли орудия и танки. А по западному берегу Десны находились немцы из 9-го армейского корпуса.

Неожиданно Виктору приспичило. Шипя и бранясь шепотом, он оглянулся — никто не видит? — и сделал свое мокрое дело.

Идиотизм какой-то, покачал он головой. Боишься, что тебя застукают в процессе мочеиспускания. А то, что могут шлепнуть, нечаянно или нарочно, не пугает нисколько!

Интеллигент хренов...

Справившись со штанами — где вы, удобные «молнии»? — Тимофеев двинулся дальше с новыми силами.

На подходе к Десне он несколько расслабился, но лязг железа, донесшийся из зарослей, сработал, как сигнал тревоги — Виктор присел, прислушался.

Послышались голоса. Говорили явно на русском, но слов было не разобрать.

Тимофеев тихонько двинулся в обход и снова замер. Слева открылась большая поляна, плавно переходившая в низину, стелившуюся до самой реки. Поперек поляны рылся окоп — голые спины красноармейцев блестели, слышались натужные матерки, а лопаты так и мелькали, откидывая грунт.

Рядовые зарывались в землю, оборудуя огневую точку для пулемета. Чуть дальше громоздили вал, за которым пряталось орудие.

Никто не смотрел в его сторону, и Виктор осторожно, поглядывая на солдат, выбрался к самому берегу. Густой подлесок скрыл его от посторонних глаз, и Тимофеев быстро разделся.

Сперва он хотел переплыть Десну, но затем увидел разворошенную траву на том берегу — похоже, что это танки спускались и переходили реку. Стало быть, брод.

Аккуратно свернув одежду в тючок, повесив сапоги, «сидор» и автомат на плечи, Виктор осторожно, боязливо ступил в воду. Не сказать, что теплая, но терпеть можно.

Нащупывая дно босыми ногами, он пробрался через камыши и внимательно осмотрелся. На том берегу никого не было видно.

Следовало переходить реку немного наискосок, чтобы выйти к тростникам на противоположной стороне. А там почти к самому берегу подходила дубовая роща.

Лишь бы свои не заметили...

Виктор невесело усмехнулся. Уже не свои, дезертир.

Он зашагал, раздвигая тугую воду. В одном месте ухнул по пояс, аж дыхание сперло, но ничего, дальше снова обмелело, да и течение было слабое.

Шел Тимофеев с трудом, сбивая дыхание, приходилось напрягать ноги. Это было как во сне — изо всех сил напрягаешься, а почти не продвигаешь свою тушку. Так и здесь.

Слава богу, тростник рос на мелкой воде. Тяжело дыша, Виктор выбрался из воды и скрылся в камышах. Уже оттуда оглянулся — никого и ничего. Красноармейцев,

перелопачивавших землю на позициях, видно не было, их скрывал ивняк.

Тут Тимофееву очень удачно подвернулся большой, окатанный валун. На него он и уселся — камень хранил тепло.

Омыв ноги, Виктор вытер их портянкой и поежился — ветерок остужал мокрое тело. Быстро обтеревшись, он натянул штаны и обулся. Оделся, подхватил свою кладь. Вперед.

Дубраву Тимофеев прошел быстро, немного пугаясь громкого шелеста жестких листьев, что лежали под ногами. Выйдя на опушку, Виктор огляделся.

Лесной массив виднелся неподалеку, одна перебежка, и ты на месте. А потом надо будет двигаться строго на запад, пока не покажется шоссе. И, уже ориентируясь по дороге, шагать к Рославлю. Не доходя, свернуть, перебегая трассу, и выйти где-то, не доходя Стодолища. Опять перебежать через шоссе, идти к берегу Стомети, а там все рядом, все близко... И домой...

Тимофеев нахмурился. Он лишь теперь понял, что придется где-то заночевать. Вообще, то, что он продвигается днем, является глупостью. С другой стороны, как идти по лесу ночью? На деревья натыкаясь? Так ведь не только лоб жалко, но и глаза...

И кто сказал, что ночью безопаснее? Да, увидеть идущего в темноте не просто, так ведь слышно же все очень хорошо будет. И услышишь ты окрик: «Хальт!»... И что тогда делать?

Бежать? А куда? Куда глаза глядят? А они ничего не видят! Не сова, чай...

Виктор вздохнул. Ладно, прорвемся...

Вздрогнув, он остановился. Уши уловили немецкую речь, и сердце заколотилось.

С трудом, заставляя себя, Тимофеев сдвинулся с места. Переходя от дерева к дереву, он разглядел далеко в стороне немецкие танки, выстроенные по линеечке.

Мелькнуло несколько фигур в серо-зеленой форме, донеслись громкие голоса, смех, а потом послышались пронзительные звуки губной гармошки. Вермахт развлекался.

С гулом поверху прошли «Юнкерсы», но Виктор не испугался, только глазами проводил — тут они не опасны, своих бомбить не будут. Своих...

Ему, можно сказать, повезло, что немцы не закапывались, не рыли траншеи сплошной линией. Тогда пришлось бы двигаться только ночью и ползком. А если на минное поле попадешь?

Нет, конечно, может и повезти — не разорвет твою тушку.

Или не повезет — «русская рулетка».

* * *

Под вечер он добрал до шоссе. Устал так, что гудевшие ноги едва мог переставлять. Хорошо еще, луна вышла и можно было хоть как-то определиться.

[Купить полную версию книги](#)

notes

МГТУ МИРЭА — Московский институт радиотехники, электроники и автоматики.

Обер-лейтенант.

Фразы «Так точно» не было в Уставе, по крайней мере до 1943 г.

Генерал П. Г. Егоров.

Самовоспламеняющаяся жидкость.

В нашей реальности эшелоны 316-й дивизии примерно в то же время проследовали к Новгороду в распоряжение 52-й резервной армии.